

ЭКОНОМИКА

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

1990/2

Ю. Я. Ольсевич

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

ЗНАНИЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ЭКОНОМИКА

2/1990

Издается ежемесячно с 1961 г.

Ю. Я. Ольсевич,

доктор экономических наук

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Издательство «Знание» Москва 1990

ББК 65.050.9(2)
О-56

Автор: **ОЛЬСЕВИЧ Юлий Яковлевич** — заведующий сектором Института экономики Академии наук СССР,

Редактор: **Г. С. ГЕРАСИМОВА**

Ольсевич Ю. Я.

О-56 Социальная переориентация экономики. — М.: Знание, 1990. — 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Экономика»; № 2).

ISBN 5-07-000773-4

15 к.

В брошюре социальная переориентация экономики рассматривается как долговременный процесс перехода к гуманистической модели социалистического общества. Показано, что новые экономические приоритеты диктуются как кризисной ситуацией в народном хозяйстве, так и необходимостью кардинальных перемен.

Брошюра рассчитана на лекторов, преподавателей и слушателей народных университетов и системы экономического образования.

0605010300

ББК 65.050.9(2)

ISBN 5-07-000773-4

© Ольсевич Ю. Я., 1990 г.

ВВЕДЕНИЕ

Повернуть экономику лицом к человеку, к повседневным нуждам и жизненным планам каждой семьи, к индивидуальным запросам жителей всех регионов нашей огромной страны — это требование становится стержнем всей работы КПСС по перестройке народного хозяйства.

Чем вызвана необходимость в таком повороте?

Прежде всего следует указать на острые дефициты, неудовлетворенный спрос населения по многим потребительским товарам и услугам. Несмотря на расширяющееся государственное, кооперативное, индивидуальное жилищное строительство, по-прежнему нерешенной остается жилищная проблема, численность остро нуждающихся во многих регионах не убавляется. Здравоохранение не может выполнять своих основных задач без расширения числа больниц, поликлиник, родильных домов, без нового медицинского оборудования, инструментов, без увеличения выпуска лекарств и других медикаментов.

Не менее настоятельны потребности системы образования и дошкольного воспитания, учреждений культуры, нужды людей, пользующихся социальным обеспечением.

Общей болью и заботой стала охрана окружающей среды, поскольку загрязнение воздуха, воды, почвы приняло масштабы, серьезно угрожающие здоровью нынешнего и будущих поколений.

Эти и другие реалии требуют безотлагательных и широких мер, направленных на использование всего имеющегося экономического потенциала прежде всего для удовлетворения неотложных нужд населения.

Но закономерен такой вопрос: исчерпывает ли задача обеспечить повседневные потребности населения в то-

варах и услугах все содержание требования «повернуть экономику лицом к человеку»?

Мы живем в эпоху глобального переворота в производительных силах общества. Сложилась принципиально новая система машин, основанная на разветвленной сети инфрасистем (электроэнергетика, транспорт, нефтегазоснабжение, связь, информатика) и включающая достижения современной НТР (электроника, лазерная техника, биотехнология и др.).

Новая техника предъявляет качественно иные требования к работнику. Сложность, огромные мощности и скорости действия агрегатов, широкое применение высокотоксичных и взрывчатых веществ, быстрая смена технологий и продукции — все это предполагает не только высокую квалификацию работника, но и способность адаптироваться к меняющимся условиям, дисциплинированность, ответственность.

Эти качества складываются в человеке в результате воспитания, общего и профессионального образования, всего образа жизни. Поэтому «вложения в человека» (т. е. затраты на всю совокупность условий, обеспечивающих должный жизненный уровень, здоровье работника и его семьи, на развитие его профессиональных и моральных, общечеловеческих качеств) — не только необходимое, а главное и ключевое условие успешного развития самого производства.

Если раньше, на более низкой ступени развития производительных сил, экономический рост зависел в первую очередь от новых капиталовложений в машины, оборудование, а дополнительная рабочая сила «подтягивалась», доучивалась на производстве, то теперь этот рост зависит прежде всего от накопленного «человеческого капитала».

Итак, современное хозяйство может прогрессировать, лишь предъявляя работнику все более высокие требования и создавая условия для реализации этих требований. Но и быстрое развитие потребностей нового работника стало мощной движущей силой производства, определило его динамизм и разнообразие.

Отсюда следует общий вывод: современная экономика не может быть не повернута лицом к человеку, иначе она просто хиреет. Реализуя это требование, мы заботимся не только о настоящем, мы закладываем фундамент будущего в виде здоровья, производственной и об-

щей культуры населения. (К сожалению, распространено все еще и другое мнение, будто забота о будущем — это прежде всего вложения в основные фонды тяжелой промышленности.)

Наконец, зададим еще один вопрос: является ли экономика, обращенная лицом к человеку, характерной чертой всякого развитого современного общества? Какова тут особая историческая роль социализма?

Следует констатировать, что экономика высокоразвитых капиталистических стран в современных условиях ориентирована прежде всего на потребительский спрос. И в этом — один из главных (если не самый главный) секрет их хозяйственных успехов.

Однако при этом не следует забывать, что социальная структура потребительского спроса на Западе включает и спрос основной массы занятых, и расходы собственников капитала, и спрос тех, кто живет на пособие по безработице или по бедности.

Социальная структура спроса в СССР при всех ее современных изъянах, неоднородности и противоречиях качественно иная. Это спрос, основанный на трудовых доходах.

Экономика, обращенная к человеку, призвана прежде всего обеспечить каждому условия для свободного применения и развития его созидательных способностей на уровне высших достижений современной науки и техники.

Эта экономика, далее, должна гарантировать социальную справедливость в распределении, основанную на сочетании достойного минимума дохода с необходимой его дифференциацией.

Наконец, она обязана удовлетворять все индивидуальные потребности личности в соответствии с ее доходом на основе конкурентного выбора высококачественных товаров и услуг по широко доступным ценам.

Таким образом, капиталистическая экономика ориентирована прежде всего на платежеспособный спрос потребителя. Социалистическая экономика должна быть ориентирована на человека не только как на потребителя; она должна быть всесторонне подчинена человеку как ее полновластному хозяину.

Из всего сказанного следует, что требование социальной переориентации экономики было бы неверно понимать как временную переборску ресурсов из одних от-

раслей в другие в целях решения конъюнктурных задач.

Это требование — стратегический курс, учитывающий одновременно и остроту текущих задач народного хозяйства, и глобальный сдвиг в производительных силах, придавший человеческому фактору решающее значение в современной экономике, и ключевую задачу обновления социализма — подчинение всего экономического строя социальным целям общества.

СТАРЫЕ ДЕФОРМАЦИИ И НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

В чем состоит разрыв между производством и социальными нуждами и в силу каких причин он возник?

Наиболее очевиден этот разрыв в сфере отраслевой структуры производства. Слишком много ресурсов (т. е. основных фондов, рабочей силы, запасов, финансовых средств) сосредоточено в отраслях, производящих (главным образом друг для друга) средства производства, а также вооружение, и слишком мало в отраслях, производящих предметы потребления и услуги, создающих жилье и основные фонды для социально-культурной сферы.

Менее заметен другой факт, который столь же важен и тесно связан с первым: имеющиеся производительные силы используются неэффективно.

Мощности загружены явно недостаточно. Сырье и материалы используются расточительно. Дисциплина и ритмичность труда невысокие.

А чем ниже отдача накопленного производственного потенциала, тем в меньшей мере производимый продукт может быть использован на удовлетворение социальных нужд населения, тем большая его доля идет на возмещение амортизации и на вложения, поддерживающие данный темп экономического роста.

И, наконец, важно учесть качество самого производственного потенциала, его соответствие современным достижениям науки и техники. Отставание от мирового уровня не позволяет удовлетворять современные потребности населения в товарах и услугах ни с точки зрения их качества, ни с точки зрения издержек и цен.

Итак, повернуть экономику лицом к человеку означает изменить ее структуру, повысить эффективность, под-

нять на качественно новую ступень ее технический уровень.

Некоторые экономисты Запада утверждают, что отрыв экономики от потребностей населения порожден социализмом (общественной собственностью на средства производства, планированием, государственным управлением хозяйством). В действительности этот отрыв порожден рядом разнородных, хотя и тесно связанных причин.

Стремление в кратчайшие сроки создать мощную материально-техническую базу, добиться военного паритета с ведущими державами Запада не только обусловило одностороннюю концентрацию ресурсов в тяжелой промышленности и оборонном секторе, но и привело к формированию хозяйственного механизма, нацеленного прежде всего на производственные нужды и выделявшего средства социальному сектору по остаточному принципу.

Эти факторы во взаимодействии с культурно-историческими условиями привели к тому, что в СССР сложился особый исторический тип экономических отношений, характерный для ранней ступени социализма. Эти отношения характеризуются отождествлением общественной собственности с государственной, жесткой централизацией в планировании, командным управлением через ведомства, ориентацией экономики прежде всего на нужды накопления и обороны, тенденцией к уравнительности в распределении, ограничением роли товарно-денежных отношений и др.

Принципиальными чертами начатого апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС преобразования советского общества являются плюрализм форм общественной собственности, планово-рыночный хозяйственный механизм, ориентация экономики прежде всего на социальные потребности населения, дифференциация доходов по труду, демократизм на всех уровнях управления.

Поворот экономики лицом к человеку — стержневой процесс переходного периода от модели первоначально-го, раннего социализма к модели обновленного, плюралистического социализма. В этом повороте должна проявиться результативность всех других процессов по перестройке хозяйственного механизма и самих производственных структур.

Отсюда следует, что поворот экономики лицом к человеку — это не просто изменение хозяйственной поли-

тики, а органическая часть общего переворота в производственных отношениях страны и в ее производительных силах.

Было бы неверно понимать указанную переориентацию как поворот от общества, нацеленного на производство, к обществу, ориентированному на потребление.

Во-первых, за десятилетия застоя система государственного социализма уже утратила свою первоначальную ориентацию на развитие общественного производства, она стала все больше приобретать иждивенчески-потребительскую направленность, испытывать воздействие эгоистических интересов.

Во-вторых, потребительская ориентация не обеспечит роста благосостояния без изменения отношения к труду, к производству. Поэтому современная перестройка экономики должна означать переориентацию всего хозяйственного строя на человека как:

полноправного хозяина, управляющего производством;

высококвалифицированного работника, владеющего новейшей техникой и технологией;

потребителя, чьи материальные и культурные запросы постоянно растут и усложняются.

Такой подход должен в принципе определять новую систему приоритетов, которой будут руководствоваться органы государственной власти при перспективном планировании, определении текущей экономической политики и всей деятельности по перестройке хозяйственного механизма в стране.

В процессе перестройки общества и формирования новой модели социализма социальная структура населения будет изменяться, становиться все более разнообразной и динамичной. Уже теперь активно формируется слой кооператоров, в селах растет численность арендаторов, все большее число коллективов государственных предприятий работает на условиях аренды.

Одновременно опасно возрастает в ряде регионов численность хронически незанятого трудоспособного населения, особенно молодежи, а также лиц без определенного места жительства. Продолжает действовать негативная тенденция к формированию «трехчленной» социальной модели общества, на противоположных полюсах которой воспроизводятся малообеспеченные и зажи-

точные слои, а середину занимает обособленный «средний класс».

Очевидно, что все эти изменения будут ставить перед обществом новые проблемы в области социальных приоритетов, будут меняться и подходы к их реализации. Поэтому система этих приоритетов должна учитывать различия в оценках и потребностях разных слоев населения и регионов, она должна вырабатываться и реализовываться на началах полной социалистической демократии.

В настоящее время практическое содержание начинающейся социальной переориентации экономики состоит в том, чтобы возможно скорее устранить наиболее нетерпимые диспропорции, опасные для общества перекосы, возникшие вследствие глубокой запущенности социальных проблем в предшествующие десятилетия. Речь идет:

о ликвидации разрыва между значительным общим производственным потенциалом общества и относительно низким средним жизненным уровнем населения путем изменения структуры производства и обеспечения полной занятости;

о преодолении общесоюзных и региональных диспропорций в распределении наличных ресурсов между различными видами неотложных социальных потребностей;

об устранении препятствий к тому, чтобы трудящиеся, коллективы, регионы могли более полно удовлетворять свои социальные нужды за счет собственного трудового вклада и инициативы;

об исправлении существенных несправедливостей и извращений в распределении доходов и льгот между различными слоями населения, о преодолении тенденции к распространению нетрудовых доходов.

В нашей стране, по существу, развернулась широкая дискуссия по проблемам приоритетов нашего социально-экономического развития. С трибуны Съезда народных депутатов СССР, Верховного Совета, в требованиях забастовщиков и участников митингов, на страницах периодической печати высказываются самые различные точки зрения на то, в какой последовательности должны удовлетворяться наши неотложные нужды.

Каждый понимает, что ресурсы страны ограничены и все задачи одновременно решены быть не могут. И в то

же время ни одна из наиболее острых проблем не может быть отложена «на потом».

Есть ли выход из этого противоречия?

При прежней бюрократизированной системе хозяйствования абсолютным приоритетом пользовались военный сектор и капитальное строительство, а то, что оставалось на социальные цели, «размазывалось» примерно поровну между ведомствами и регионами. При этом, разумеется, в рамках самих остаточных социальных расходов приоритет отдавался тому, что обслуживало интересы верхушки управленческого аппарата и привилегированного «актива».

В целом можно выделить четыре основные негативные тенденции, присущие прежнему механизму решения социальных проблем.

Первая — отрыв бюджетных расходов на улучшение социального положения от результатов деятельности трудовых коллективов, что одновременно ослабляло социальные стимулы к труду и вело к бюрократизации в социальной сфере, ее отрыву от реальных нужд населения.

Вторая — остаточный принцип формирования средств на социальные нужды, когда в бюджете государства на первый план ставились военные и управленческие расходы, капиталовложения в строительство и новую технику, а социальные нужды оттеснялись на второй план.

По существу получалось, что и на уровне государственного бюджета, и на уровне регионов и ведомств социальные расходы выполняли подчиненную роль по обслуживанию производственных, управленческих и военных нужд государства.

Третья — уравнилельно-иерархический принцип распределения и использования средств на социальные цели, при котором стремились улучшать положение различных групп населения примерно одинаковым темпом, сохраняя в общем и воспроизводя сложившуюся социальную иерархию в обществе, различия в положении различных сфер занятости и регионов.

Четвертая — относительно единообразный подход к удовлетворению различных социальных потребностей независимо от их значимости и остроты.

Результатом бюрократизированного, недемократического подхода к удовлетворению социальных нужд обще-

ства явилось общее обострение социальных противоречий.

Социальное развитие стало все больше приобретать конфликтный, стихийный, неуправляемый характер. В этом развитии все большую роль стали играть эгоистические интересы отдельных групп, по тем или иным причинам узурпировавших политическую власть либо экономическое влияние.

Так, часть управленческого аппарата стала незаконно присваивать себе все больше социальных привилегий. На базе распространявшейся спекуляции, вымогательства, расхищения общественных средств, скрытой эксплуатации наемного труда сформировались паразитические группы с высокими доходами. В некоторых регионах и центральных ведомствах произошло сращивание этих групп с некоторой частью управленческого аппарата. Все это еще более обострило социальные противоречия в обществе.

Если учесть углубляющееся материальное неравенство между различными слоями населения, если, далее, принять во внимание значительные различия в положении отдельных регионов (с точки зрения уровней доходов, снабжения, занятости, экологии и др.), если также не забывать о расхождениях в социальных интересах людей, принадлежащих к разным профессиям, полу, возрасту, семейному положению, национальности, то станет понятно, почему различные группы населения и их представители среди неотложных нужд выдвигают на первое место разные требования.

Для одних — это быстрее улучшение экологической обстановки, ставшей невыносимой, для других — это возрождение национального языка и культуры, для третьих — немедленное изменение положения с медицинским обслуживанием, для четвертых — кардинальное изменение материальной базы образования и науки, для пятых — срочное облегчение положения на производстве женщин и т. д.

Каждое из этих требований (как и многие другие) справедливо, но могут ли они быть одновременно удовлетворены должным образом?

Поскольку потребности — и текущие и долговременные — у каждого человека, каждой семьи, группы и общества в целом противоречиво взаимосвязаны и поскольку столь различны подходы отдельных граждан и це-

лых групп к оценке приоритетов, то весьма нелегко в этом лабиринте найти общую для всех дорогу и выработать такие подходы к решению социальных проблем, которые вели бы не к обострению расхождений, а к консолидации общества и его прогрессу.

Для этого, очевидно, следует предоставить максимум прав и материальных возможностей трудовым коллективам и местным Советам народных депутатов решать социальные проблемы с учетом их конкретной специфики и на основе прежде всего заработанных трудовых доходов. Тем самым будет преодолен бюрократический централизм с его шаблонным, формальным подходом к социальным приоритетам, будет установлена прямая финансовая связь между размерами и очередностью потребностей, с одной стороны, и источниками для их покрытия — с другой.

В то же время объективно существуют социальные приоритеты, имеющие общесоюзное значение, требующие решительного перераспределения ресурсов и национального дохода для первоочередного решения продовольственной проблемы, улучшения жилищных условий, повышения доходов малообеспеченных слоев, снабжения населения медикаментами. Как будет выяснено далее, первостепенным приоритетом является удовлетворение платежеспособного спроса населения в товарах и услугах, без чего не может быть сбалансирован рынок и создан эффективный хозяйственный механизм.

Но национального дохода при любом его распределении явно не хватит, чтобы в короткий срок удовлетворить все социальные нужды. Поэтому следует различать те потребности, которые можно относительно быстро удовлетворить за счет рационального и справедливого использования данного объема национального дохода, от тех потребностей, которые возможно удовлетворить лишь за счет его увеличения.

Надо отказаться от прежней негодной практики пытаться браться за решение сразу всех социальных проблем — и наиболее неотложных, «кричащих», и тех, которые могут некоторое время подождать. В итоге и острые социальные нужды не удовлетворялись, и остальные проблемы приобретали хронический характер.

В последние годы в стране и отдельных регионах был принят и начал осуществляться ряд социальных программ (по продовольствию, жилью, экологии, здравоохранению).

ранению и др.), сыгравших позитивную роль. Однако средств на их реализацию было явно мало.

Программы не были достаточно глубоко увязаны между собой и с планами экономического развития. Главное же — их разработка шла «сверху», а не «снизу», не опиралась на демократические процедуры, на политическую инициативу и хозяйственную самостоятельность местных организаций и потому неполно отражала реальные потребности населения и возможности перестройки.

Социальные приоритеты для их успешной реализации должны быть четко «распределены» во времени и скоординированы в социальных программах, а сами социальные программы должны составлять единое целое с планами повышения доходов, эффективности и объема производства. Такие перспективные планы-программы должны иметь каждый трудовой коллектив, каждый местный и республиканский совет и страна в целом.

Существующая же практика составления пятилетних планов пока не содержит четкой системы социальных приоритетов, твердых обязательств государства решать конкретные социальные проблемы в конкретные сроки. Тем более нет таких планов-программ у большинства предприятий, ведомств, местных и республиканских органов.

Перестройка выдвигает задачу социально-экономического программирования на первый план, ибо без четких, демократически выработанных, научно обоснованных социальных ориентиров общество дальше жить и развиваться нормально не может.

ТРУДНЫЙ ПОВОРОТ

Осенью 1988 г. при обсуждении плана на 1989 г. Верховным Советом СССР принята система мер, положившая начало новой структурной политике в народном хозяйстве. Эта система мер включает:

· существенное повышение доли потребления в национальном доходе при сокращении доли производственного накопления и оборонных расходов;

· сокращение удельного веса в капиталовложениях отраслей группы «А» при увеличении отраслей группы «Б»;

значительно большее, чем прежде, привлечение предприятий группы «А» к производству товаров народного потребления;

консервацию части промышленных строек и использование некоторых организаций промышленного и воднохозяйственного строительства для возведения объектов социального назначения (жилья, дорог, мостов и др.);

широкое использование предприятий оборонных отраслей в целях проектирования и выпуска оборудования для легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства, для производства товаров народного потребления; использование на общегражданских стройках военных строительных организаций и т. д.;

активную передачу в гражданские отрасли, и прежде всего в машиностроение, производство товаров народного потребления, технико-технологических разработок оборонных отраслей.

Отметим, что реализация указанных мероприятий нацелена на приближение пропорций народного хозяйства СССР к тем пропорциям, которые характерны для большинства индустриально развитых стран.

Почему же в таком случае этот необходимый и даже неизбежный поворот следует считать трудным и не лишеным определенного экономического риска?

Трудности социальной переориентации экономики обусловлены прежде всего тем, что она начата в весьма сложной народнохозяйственной ситуации, сложившейся в результате действия разнородных факторов: продолжения ряда долговременных негативных процессов прошлого, «непредсказуемых» факторов внутреннего и международного характера, серьезных ошибок, допущенных в ходе экономической реформы.

Вместе взятые, эти факторы за последние годы лишили народное хозяйство материальных ценностей на сотни миллиардов рублей, столь необходимых для того, чтобы население осязаемо ощутило результаты перестройки экономики.

К долговременным негативным процессам относятся, в частности, продолжающийся рост незавершенного капитального строительства и понижение фондоотдачи, увеличение удельных капитальных и текущих затрат в топливно-энергетическом и сырьевом комплексе, замедление научно-технического прогресса.

К «непредсказуемым» (этот термин мы применяем условно, так как в общем виде, по мнению некоторых ученых, подобные события следовало бы предвидеть) факторам внутреннего характера следует отнести потери от аварии на Чернобыльской АЭС, от катастрофического землетрясения и строительного брака в Армении, от крупных аварий на транспорте, в газопроводных сетях и др. Эти потери были усугублены значительным снижением мировых цен на экспортные товары СССР и сокращением валютной выручки.

Нельзя сбрасывать со счетов и огромный ущерб, который наносят экономике межнациональные конфликты и массовые забастовки.

В чем состояли ошибки экономической реформы, усугубившие хозяйственные трудности?

В экономике структурные пропорции, хозяйственный механизм и социальная сфера находятся в тесном взаимодействии, а финансовая и кредитная система выступает в роли трансмиссии, которая их связывает и, в свою очередь, активно воздействует на них. Если указанные элементы меняются несогласованно, это приводит к расстройству всей хозяйственной системы, причем финансово-кредитная система начинает выполнять роль негативного мультипликатора, умножающего это расстройство.

Перестройка в экономике началась с увеличения доли национального дохода, идущего на накопление, и значительной концентрации капиталовложений в машиностроении, особенно в станкостроении и производстве оборудования, с целью его модернизации на основе изготовления и применения роботов, ГАПов и других автоматизированных систем.

С технико-организационной точки зрения такой маневр ресурсами был бы вполне логичен, ибо именно машиностроение определяет технический уровень всего народного хозяйства и качество продукции. Однако с экономической точки зрения осуществление модернизации и реконструкции машиностроения и других отраслей может стать эффективным лишь на основе полного хозяйственного расчета, самокупаемости и самофинансирования предприятий.

В том, что такой широкий маневр ресурсами был предпринят до развертывания экономической реформы, состоит первая крупная ошибка перестройки. Миллиар-

ды, вложенные в модернизацию машиностроения, не дали должных результатов и обернулись убытками.

Закономерно, что экономическая реформа началась с решающего хозяйственного звена — предприятия, что во главу угла она поставила материальное стимулирование трудящихся за эффективность труда и качество продукции. Однако для такого стимулирования требуются не только денежные знаки, а прежде всего продовольственные и промышленные товары, бытовые услуги, материалы для индивидуального строительства и др.

Для успешного проведения реформы в отраслях группы «А» необходимо, чтобы вначале опережающими темпами возрастало производство в сельском хозяйстве и в отраслях группы «Б». Следовательно, целесообразно было не только вначале сосредоточить накопления в этой сфере, но, что имеет ключевое значение, именно с нее начинать проведение экономической реформы, распространяя реформу на другие отрасли по мере накопления товарных фондов.

При этом первоочередное проведение реформы в легкой промышленности, автомобилестроении, приборостроении и увеличение производства промышленных товаров народного потребления, стройматериалов и средств индивидуального труда имели бы особое значение как реальный стимул к наращиванию выпуска сельскохозяйственной продукции жителями села.

В том, что реформу начали, по существу, одновременно во всех отраслях хозяйства, причем с особым упором на группу «А», не обеспечив должного прироста потребительского фонда, заключалась вторая крупная ошибка реформы. Она привела к тому, что у значительной части трудящихся в городе и на селе оказались крупные дополнительные денежные доходы, не обеспеченные товарной массой.

Эта ошибка была усугублена еще одним просчетом, относящимся к сфере финансов, кредита и ценообразования. Переход к полному хозрасчету, снятие верхних пределов зарабатываемых денежных доходов должны были сопровождаться введением более строгого контроля за ценами, заменой централизованного финансирования капиталовложений предприятий за счет бюджета банковским кредитованием, ужесточением контроля за выдачей, использованием и возвращением кредитов. Все это заставило бы коллективы предприятий искать источники

повышения своих доходов за счет экономии ресурсов, использования новой техники и технологии.

Вместо этого были, наоборот, расширены каналы финансирования, облегчены условия получения кредита, ослаблен контроль за ценами. Предприятия получили возможность увеличивать доходы путем повышения цен, «вымывания» дешевого ассортимента, роста задолженности банкам.

В итоге образовался огромный разрыв между увеличением денежных доходов, выплаченных населению, и ростом реального объема товаров и услуг. Этот разрыв покрывался главным образом за счет трех источников — заимствования государством средств из сбережений населения, повышения розничных цен и, наконец, прямой эмиссии денежных знаков.

Все это резко обострило дефицитность потребительских товаров, усилило инфляцию, ухудшило и без того напряженное материальное положение малообеспеченных слоев населения.

Негативную роль сыграли и скоропалительные методы борьбы с алкоголизмом. Искоренение этого социального зла требует многолетних планомерных усилий со стороны всего общества, решение этой задачи предопределяется перестройкой всех аспектов нашей жизни, включая производство, быт, культуру, политику.

Одностороннее использование лишь административно-запретительных мер и резкое повышение цен привели, помимо прочих издержек, к «взрыву» самогонарения, что лишило бюджет десятков миллиардов рублей доходов, а потребительский рынок — ряда продуктов.

С практикой современной экономической реформы полезно сопоставить опыт нэпа. Успех перехода от продразверстки к продналогу во многом был предопределен тем, что были своевременно созданы товарные фонды в обмен на сельскохозяйственную продукцию и была проведена финансовая реформа, укрепившая рубль. И наоборот, крушение нэпа было связано с тем, что поставили задачу провести хлебозаготовки без соответствующего товарного покрытия, в условиях растущих цен на промышленные изделия.

Ошибки в проведении реформы, разумеется, нельзя свести к незнанию либо небрежности. Они были обусловлены не только недостаточной научной проработкой проблем, но и нехваткой информации, демократизма,

гласности, давлением политических и социальных факторов.

В значительной мере сказалась и инерционная привычка искать решение конкретных острых производственных и социальных проблем в инфляционном перекладывании бремени на общество в целом. Но чем бы ни объяснялись эти ошибки, из них необходимо извлекать уроки.

Экономические трудности страны характеризуют такие цифры. Государственный долг на начало 1989 г. составил 312 млрд. руб., а годовой дефицит бюджета возрос за последние пять лет в 5 раз и превысил 120 млрд. руб.

Рост денежных доходов населения почти в 2 раза обгоняет рост производства товаров народного потребления.

В итоге неудовлетворенный спрос населения составляет десятки миллиардов рублей и продолжает увеличиваться. Только за первое полугодие 1989 г. эмиссия, т. е. выпуск в обращение денег, не обеспеченных реальными ценностями, составила 8,9 млрд. руб.

Из 1200 основных товаров, за которыми ведется наблюдение в 140 городах страны, на середину 1989 г. в продаже относительно постоянно имелось лишь 200, остальные являются в разной степени дефицитными. Из 400 наименований товаров культурно-бытового и хозяйственного назначения положение улучшилось лишь по 33, а ухудшилось по 230.

При общем увеличении производства и товарооборота неравновесие спроса и предложения на рынке углубляется, в связи с чем ускоряется рост цен. Средние цены покупки продовольствия в первом полугодии 1989 г. в целом возросли (по сравнению с первым полугодием 1988 г.) на 3%, а цены колхозного рынка — на 4%.

Положение, когда темп прироста денежных доходов населения в 1,4 раза опережает темп прироста их расходов на покупку товаров и услуг, чревато нарастанием потенциального инфляционного взрыва.

Вклады населения в Сберегательный банк СССР только за первое полугодие 1989 г. увеличились на 17,7 млрд. и достигли 314,4 млрд. руб. Одновременно растут запасы ряда продуктов и товаров у населения.

В этих напряженных условиях и осуществляется коренная переориентация планов социально-экономическо-

го развития. Обобщенно она проявляется прежде всего в резком сокращении в национальном доходе страны доли накопления и увеличении доли потребления.

Только за 2 года (1989—1990 гг.) доля фонда производственного накопления должна снизиться на 5 процентных пунктов, что является беспрецедентным снижением за последние десятилетия. При этом возрастет в национальном доходе доля потребления и капиталовложений в социальную сферу.

В 1990 г. производство товаров народного потребления будет увеличено (по сравнению с планом на 1989 г.) на 12% при общем росте всего валового национального продукта на 2%. В промышленности в 1990 г. темпы прироста группы «Б» будут опережать темпы прироста группы «А» в 11 раз.

В частности, в 1990 г. по сравнению с планом 1989 г. производство телевизоров должно увеличиться на 835 тыс. шт. (за три прошедших года пятилетки прирост составил всего 257 тыс. шт.), велосипедов — на 380 тыс. шт. (против 275 тыс. за три года), стиральных машин — на 2,6 млн. шт. (против 1 млн.), электропылесосов — на 2,2 млн. шт. (против 730 тыс.). Производство мебели будет увеличено на 1 млрд. 250 млн. руб., видеомагнитофонов — в 3,7 раза, мотоблоков и мотокультиваторов — в 2,7 раза, мини-тракторов — в 3 раза.

На 1990 г. намечен ввод жилья с превышением среднегодового ввода за 1986—1988 гг. Общий ввод жилья за двенадцатую пятилетку должен составить не менее 650 млн. м², что превысит ввод за прошлое пятилетие на 100 млн. м². Средняя обеспеченность одного жителя общей площадью квартир возрастет с 14,6 м² в 1985 г. до 16,1 м² в 1990 г.

За двенадцатую пятилетку ресурсы для потребления и непромышленного строительства должны увеличиться на 22%, или на 100 млрд. руб., тогда как за годы одиннадцатой пятилетки их прирост был равен 16,8%, или 65 млрд. руб.

За счет каких средств намечено добиться столь крутого поворота экономики к социальным нуждам?

Прежде всего за счет решительного сокращения государственных централизованных капитальных вложений в производственную сферу и сужения фронта строительства. Этот процесс начался уже в 1989 г., но приобретает

чрезвычайный, можно сказать, драматический характер в 1990 г.

Государственные централизованные капитальные вложения в производственную сферу в 1990 г. по сравнению с 1989 г. в среднем сократятся на 30% (а по топливно-энергетическому и металлургическому комплексам снижение составит примерно 40%). Это означает, что не будут начаты намеченные новые стройки, а часть строящихся производственных объектов будет законсервирована.

Приходится отказываться от возведения сооружений и выпуска продукции производственного назначения, без которых народное хозяйство в ближайшие годы сможет обойтись. Отметим, 1989—1990 гг. явятся первыми годами за все периоды мирного развития СССР, когда не только приросты, но и абсолютные объемы производственных капиталовложений уменьшаются.

Такое изменение означает не только резкий сдвиг в количественных и структурных показателях, это и реальное начало кардинального изменения всей системы методов хозяйственного управления.

До сих пор большинство народнохозяйственных проблем старались решать путем нового строительства, возводя новые предприятия и расширяя старые, главным образом за государственный счет. При этом неудержимо, несмотря на постановления правительства, увеличивалось незавершенное строительство. В него, как в песок, уходила большая доля прироста национального дохода страны.

Теперь руководителям и коллективам придется искать иные, более дешевые и быстрые пути увеличения производства в рамках самофинансирования и самокупаемости. Но при этом, резко сокращая бюджетное финансирование производственного строительства, общество предоставляет предприятиям более широкую хозяйственную самостоятельность (о чем будет сказано подробнее ниже).

Структурная перестройка экономики, которая началась уже в 1989 г. и резко ускорится с 1990 г., в действительности более глубока, чем это характеризуется изменениями в соотношениях производственного накопления и потребления в национальном доходе, группы «А» и группы «Б» в промышленности, сокращением централизованных производственных капиталовложений.

Дело в том, что и в производственном накоплении, и внутри группы «А», а также в строительстве предусмотрены коренные изменения. Возрастает доля тех строительных объектов, тех видов продукции производственного назначения, которые способствуют увеличению производства предметов потребления.

Так, строительство тракторного завода в Елабуге переориентировано на возведение завода легковых автомобилей, мощности бывшего Минводхоза в значительной мере будут использованы при строительстве дорог, создании хранилищ для сельскохозяйственной продукции.

И строительство, и отрасли тяжелой промышленности, машиностроения в значительно большей мере, чем раньше, будут заниматься сооружениями, оборудованием, техникой для сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, для предприятий сферы услуг.

Прогрессивный характер указанных структурных сдвигов не вызывает сомнения. Он выражает сильно запоздавший, давно назревший процесс выправления глубоких деформаций нашей экономики, которые вначале были обусловлены известными историческими обстоятельствами, а затем инерционно поддерживались уравнительно-распределительной моделью социализма.

Однако коренные изменения в структуре экономики вызывают не только удовлетворение, но и определенную тревогу. Если направление сдвигов обусловлено всей логикой социально-экономического развития, то их темп продиктован скорее чрезвычайной хозяйственной и политической ситуацией в стране и во многом идет вразрез с требованиями экономического расчета.

Экономика — гигантский, чрезвычайно сложный, многоярусный корабль, чтобы ему развернуться, необходимо пространство и время, иначе не избежать крупных потерь. Если бы такой разворот начался на 2—3 года раньше, издержки были бы намного меньше да и хозяйственная ситуация оказалась бы не столь негативной, как теперь. Но времени уже не осталось, неизбежный маневр приходится осуществлять быстро и в штормовую погоду.

Консервация строек означает потерю многих миллиардов рублей. Быстрая переориентация производственных организаций с одних видов деятельности на другие существенно отличные (с промышленного строительства на жилищное и социальное, со строительства каналов на

строительство дорог, с производства средств производства на производство товаров народного потребления и т. д.) влечет за собой потери и в производительности труда, и в качестве продукции. А самое опасное в том, что при столь крутом и масштабном повороте нет достаточных гарантий, что удастся сохранить на должном уровне индустриальную базу для развития страны в длительной перспективе.

Наиболее яркое выражение социальной переориентации экономики СССР — начавшаяся конверсия, обращение на цели повышения благосостояния народа значительной части тех ресурсов, которые до настоящего времени отвлекались на оборону страны. Предпосылками конверсии являются имеющийся паритет военных сил двух военных блоков — НАТО и ОВД, существенное улучшение международных отношений, принятие военной доктрины оборонной достаточности.

Каковы масштабы и направления конверсии в ближайшие годы, что принесет она населению?

Известно, что общая сумма оборонных расходов СССР в 1989 г. — 77,3 млрд. руб., это составляет 15,6% всех расходов государственного бюджета страны; на душу населения приходится 270 руб., или около 490 руб. на одного трудоспособного. Бремя нелегкое.

Для сравнения укажем, что в США соответствующие цифры составляет 308,9 млрд. долл., 27,2%, 1300 долл. Хотя Соединенные Штаты тратят на оборону значительно больше, чем СССР, бремя военных расходов в этой стране относительно легче, так как она располагает примерно вдвое большим национальным доходом, еще большим превосходством по производительности труда и по уровню среднедушевых доходов.

В настоящее время доля военных расходов в валовом национальном продукте СССР составляет около 9%, в США — примерно 6%. К 1995 г. эта доля у СССР должна уменьшиться в 1,5—2 раза, т. е. будет равна от 4,5 до 6%.

Конверсия означает, что мы наконец выходим из разорительной для нас «симметричной» гонки вооружений, отказываемся от нерационального стремления добиваться паритета по конкретным видам вооружений.

В 1989 г. из общей суммы 77,3 млрд. руб. 20,2 млрд. руб. было выделено на содержание армии и флота, на закупки вооружения и военной техники — 32,6 млрд.

на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы — 15,3 млрд. руб.

В 1989—1990 гг. за счет пересмотра военно-технической политики, ликвидации ракет средней и меньшей дальности, сокращения Вооруженных Сил на 500 тыс. человек, на 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем и 800 самолетов будет сэкономлено 30 млрд. руб. (в том числе затраты на закупки вооружения и военной техники сократятся почти на 20 млрд. руб.).

При этом сокращение военных расходов должно сопровождаться не снижением, а укреплением обороноспособности страны (особенно если не забывать, что военный бюджет США все еще увеличивается). Военные расходы — это не то же самое, что расходы на оборону. Сокращая арсенал наступательных вооружений, создавая дешевые, но эффективные системы оружия, совершенствуя структуру и качество оборонительных средств, повышая профессионализм кадров, страна способна одновременно достичь и экономии ресурсов, и внешней безопасности.

В частности, реализация космических программ (которые вместе с «гражданским космосом» поглощают менее 1,5% государственного бюджета), как ожидается, повысит боевую эффективность Вооруженных Сил СССР в 1,5—2 раза.

Было бы неверно полагать, что оборонная наука и индустрия до сих пор ничего не давали народному хозяйству. В настоящее время гражданская продукция в выпуске оборонных отраслей составляет около 40%. Только в 1988 г. эти отрасли изготовили 10 млн. телевизоров, 95% всех холодильников, 62% стиральных машин, 69% пылесосов. Оборонная промышленность производит 22% товаров культурно-бытового назначения.

Важный вклад в научно-технический прогресс народного хозяйства обеспечивает и «военный космос». При расходах на народнохозяйственные и научные космические исследования, а также на космические системы многократного использования в 3 млрд. руб. в год условный экономический эффект от использования космической техники в народном хозяйстве превышает 12 млрд. руб.

В ходе создания системы «Энергия—Буран» было разработано свыше 100 новых материалов, 240 технологических процессов и 130 типов прогрессивного оборудо-

вания, которое предполагается использовать в судостроении, медицине и других отраслях народного хозяйства.

Только метеорологическая спутниковая информация позволяет экономить от 500 до 700 млн. руб. ежегодно. Ожидается, что «военный космос» будет способствовать телефонизации страны. Предполагается, что полнаякупаемость космической техники (при данном уровне затрат) будет достигнута к 1995 г.

Нельзя забывать, СССР — один из главных экспортеров боевой техники, а это означает, что страна получает значительные валютные средства, которые позволяют существенно увеличить импорт товаров народного потребления и необходимого сырья.

И все же общий баланс не только экономических, но и научно-технических отношений между военно-промышленным и гражданским секторами был всегда явно отрицательным для последнего. Военно-промышленный сектор поглощал лучшие научные, конструкторские, инженерные кадры, дефицитное сырье и оборудование, свои же разработки засекречивал, препятствуя использованию научно-технических достижений в народном хозяйстве. Действовал (и все еще действует) своего рода внутренний КОКОМ.

Сокращение объема военных заказов позволяет резко расширить использование мощностей и научно-технического потенциала оборонной промышленности для производства технически передовой гражданской продукции. Например, на 1989—1995 гг. запланировано многократное увеличение производства видеомagneтофонных камер, лазерных цифровых звуковых проигрывателей, персональных компьютеров и т. д.

Перепрофилирование военного производства на мирную продукцию позволит произвести в тринадцатой пятилетке на этих предприятиях товаров народного потребления на 250—270 млрд. руб., довести удельный вес гражданской продукции на оборонных заводах до уровня, превышающего 60%.

Предприятия оборонных отраслей будут участвовать в решении задачи переоснащения промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственные продукты. Так, выпуск машин и оборудования для плодоовощной, крахмалопаточной, макаронной, консервной промышленности возложен на Минавиапром, выпуск агрегатов и поточ-

ных линий для переработки скота и птицы, по приготовлению мороженого, производству консервной тары — на Миноборонпром, выпуск техники для молокозаводов — на Минсредмаш и т. д.

Оборонным отраслям передано 220 предприятий бывшего Минлегпищемаша, которые «оборонщикам» также предстоит переоснастить, чтобы они могли выпускать современную технику для легкой и пищевой промышленности.

До конца тринадцатой пятилетки предстоит создать 4,5 тыс. наименований новой техники, причем к 1995 г. не менее 90% выпускаемого оборудования должно быть доведено до мирового уровня.

Известно, что из-за нехватки перерабатывающих мощностей не доходит до потребителя от 25 до 40% продукции колхозов и совхозов, «теряется» ежегодно 1 млн. т мяса. Нехватка агрегатов по упаковке и расфасовке сыпучих пищевых продуктов ведет к ежегодной потере примерно 26 тыс. т крупы, муки и сахара.

Намечаемое к выпуску оборудование рассчитано на новые безотходные, в том числе мембранные, технологии, на более глубокую переработку сырья, что должно до конца 1995 г. дать дополнительно (из того же объема сырья) продуктов питания почти на 40 млрд. руб.

Отмечая глубоко прогрессивный и в конечном счете высокоэффективный характер процесса перевода ресурсов из сферы военного в сферу гражданского их применения, нельзя умолчать также о сложностях, прямых потерях и значительном риске, связанных с этим переводом. Об этом следует сказать не для того, чтобы поставить под сомнение целесообразность конверсии, а в целях предостережения против возможных новых необдуманных и скоропалительных решений о переброске ресурсов из гражданской сферы в военную.

Ведь такие решения принимались не только исходя из стратегической необходимости, но и в надежде, что в дальнейшем можно легко осуществить и обратный маневр. Но такой маневр — дорогостоящее мероприятие.

Во-первых, даже относительно скромное сокращение численности Вооруженных Сил на 500 тыс. человек означает крутое изменение в судьбе примерно 100 тыс. офицеров, а также членов их семей. Для большинства из этих офицеров необходима серьезная переквалификация, обеспечение жильем, социальными услугами и т. д.

Во-вторых, перепрофилирование военных предприятий на выпуск гражданской продукции требует значительного времени и затрат. Известно, что только подготовка производства к выпуску новой продукции требует 1—2 лет на переоснастку, освоение технологии и др.

В-третьих, массовое производство на оборонных заводах не свойственной их техническому профилю продукции создает почти непреодолимые трудности к достижению мирового уровня как по качеству, так и по себестоимости новой продукции, ибо на мировом рынке ситуацию определяют крупные специализированные предприятия, имеющие огромный опыт, кадры, всестороннюю информацию.

В-четвертых, преобладание на военных предприятиях гражданской продукции (до 60%) может сказаться и на общем техническом уровне этих предприятий, и на качестве самой военной продукции. Этому будут содействовать и процессы снижения приоритетности в снабжении и заработной плате, перевод указанных предприятий на хозрасчет и самофинансирование.

Выбранный путь конверсии может замедлить темпы совершенствования оборонной техники, ослабить ее позиции как в военном, так и внешнеторговом плане. Кроме того, совмещение военного и гражданского производства на оборонных заводах является далеко не полным решением проблемы передачи в гражданское производство научно-технических и конструкторских разработок, преодолением «внутреннего КОКОМа».

В целом, следовательно, принятые в настоящее время формы конверсии военной промышленности нельзя оценить как оптимальные в долгосрочной перспективе. Их следует рассматривать как временные, порожденные как острой хозяйственной ситуацией внутри страны, требующей срочных мер по переориентации ресурсов, так и сохраняющимися элементами напряженности и неопределенности на мировой политической арене.

Важное социальное значение имеет социальная переориентация импорта СССР. В 1990 г. резко сократится импорт ряда товаров и изделий, в основном для тяжелой промышленности.

В результате существенно снизится выпуск ряда видов средств производства. В частности, сокращение импорта проката черных металлов, в том числе холоднокатаного листа, приведет к абсолютному уменьшению вы-

пуска грузовых автомобилей и некоторой другой техники. Однако это сокращение, а также иностранные кредиты позволят значительно увеличить импорт предметов потребления.

Поскольку возможности увеличения импорта из социалистических стран ограничены, ставится задача расширить закупки товаров народного потребления на свободно конвертируемую валюту. Эти закупки в 1990 г. увеличат импорт товаров на 10 млрд. руб. (в розничных ценах). Всего же на рынок поступит импортных товаров почти на 32 млрд. руб. (в розничных ценах). Кроме того, намечается закупить на 2 млрд. руб. медикаментов и на 1,6 млрд. руб. сырьевых товаров и материалов для легкой промышленности.

Резкое увеличение импорта предметов потребления при сокращении импорта средств производства — явно положительный сдвиг в нашей внешней торговле, оправданный и экономически, и социально.

Известно, что по всей стране давно уже накопилось на многие миллиарды валютных рублей неустановленного импортного оборудования, а многие ведомства, пораженные импортной лихорадкой, стремятся закупать за государственный счет все новые его партии. Эту болезнь необходимо лечить хирургическими методами, решительно ограничивая валютные лимиты ведомств жестким минимумом, поощряя предприятия самостоятельно зарабатывать валюту.

Средства же, поступающие от экспорта природных богатств, следует тратить прежде всего на импорт экономически и социально приоритетных потребительских товаров, медицинского оборудования, лекарств, патентов и средств для их изготовления, а также предметов культурно-бытового назначения и других товаров, необходимых как для быстрого удовлетворения острых потребностей населения, так и для оказания активного воздействия на качество аналогичных изделий отечественного производства.

В то же время следует видеть и негативные стороны импорта потребительской продукции в нашу страну. Экономически явно не оправдан массовый импорт продовольственного зерна и ряда других продуктов питания, которые за валюту по ценам значительно ниже мировых можно было бы приобрести в виде закупок сверхплано-

вой продукции у колхозов, совхозов и индивидуальных производителей.

Значительная часть товаров приобретается не потому, что они не могут быть произведены внутри страны, а потому, что явно завышенные розничные цены обеспечивают по такому импорту исключительно высокие прибыли для бюджета и для импортирующих организаций.

Кроме того, расширение импорта потребительских товаров приведет к дальнейшему увеличению внешней задолженности страны. Поскольку по кредитам в конвертируемой валюте приходится платить значительные проценты, а мировые цены на экспортную продукцию СССР за последние годы резко понизились, дальнейшее увеличение внешнего долга чревато неприятными последствиями.

Все это говорит о том, что импорт СССР (не говоря уже об экспорте, где преобладают сырьевые товары) находится в состоянии далеко от оптимального, хотя предпринимаемые меры улучшают его структуру.

Социальной переориентации экономики будут способствовать не только изменения в структурной политике, но и энергичные меры по углублению и ускорению экономической реформы, определенные Верховным Советом СССР.

Забастовки, прошедшие летом 1989 г. в Кузбассе и других регионах страны, еще раз подчеркнули тесную связь между экономической реформой и социальными нуждами трудящихся. Именно торможение экономической реформы препятствует накоплению предприятиями и местными органами власти средств, необходимых для решения жилищной проблемы, улучшения медицинского обслуживания, повышения пенсий, упорядочения рабочей недели, увеличения отпусков и др.

Активная реализация экономической реформы позволит коллективам за счет дополнительной продукции создать фонды для обмена с сельским хозяйством и экспорта и таким путем улучшить продовольственное снабжение промышленных центров.

В целях ускорения экономической реформы Верховный Совет внес существенные изменения и дополнения в Закон о государственном предприятии (объединении), направленные на резкое расширение хозяйственной самостоятельности предприятий.

Предприятиям дано право независимо от ведомств

избирать модель хозяйственного расчета, определять собственную структуру, входить и выходить из объединений. В случае перехода коллективов на арендные отношения предприятия могут вообще выйти из подчинения ведомственных и территориальных органов государственного управления и действовать самостоятельно либо в составе вневедомственных концернов, консорциумов или иных объединений.

Отныне госзаказ должен охватывать менее 100% продукции предприятия, а это значит, что остальной продукцией они могут распоряжаться по своему усмотрению. При этом права на установление предприятиям госзаказа лишены ведомства. Теперь таким правом обладают только плановые органы.

Все это означает, что заканчивается ведомственный диктат и начинается формирование реальных рыночных структур, превращение деформированных товарно-денежных отношений в здоровую самоорганизующуюся систему, обладающую внутренними регуляторами и импульсами к саморазвитию.

Изменения в Законе о предприятии принудят государственные органы хозяйственного управления не на словах, а на деле переходить от административных к экономическим методам регулирования. Образец такого перехода был продемонстрирован на той же сессии Верховного Совета, принявшей постановление о налогообложении фонда оплаты труда.

Согласно постановлению прирост фонда оплаты труда сверх 3% облагается большим прогрессивным налогом. Исключение составляет фонд оплаты труда при производстве потребительских товаров — здесь при любом увеличении выпуска продукции соответствующий рост фонда оплаты труда остается свободным от обложения.

Смысл этого постановления не только в том, что таким путем резко ограничивается выпуск в обращение денег, не обеспеченных предметами народного потребления. Этот «запретительный» налог одновременно указывает коллективам, куда следует направлять ресурсы, чтобы существенно повысить заработки.

Можно ожидать, что этот налог лучше всяких директив будет способствовать быстрой переориентации нашего производства на удовлетворение платежеспособного спроса потребителей. Предоставленная предприятиям

самостоятельность получает четкий социальный ориентир.

Как известно, Верховный Совет принял также постановление о введении с 1 января 1990 г. республиканского хозрасчета в Латвии, Литве, Эстонии и Белоруссии. Ведется подготовка к переходу на региональный хозрасчет и в других республиках, краях и областях.

Региональный хозрасчет — мощное средство ориентации экономики на решение социальных проблем с учетом их местной специфики. Например, в республиках Средней Азии население остро испытывает негативные последствия монокультурной специализации на хлопке. Хотя первоначально расширение посевов хлопчатника привело к росту доходов и занятости населения, в дальнейшем его последствиями стали нехватка и дороговизна продуктов питания, отставание развития промышленности, неполная занятость трудоспособного населения, тяжелые экологические условия и торможение культурного развития.

Во многих регионах Российской Федерации существуют иные проблемы: перегрузка индустриальных центров промышленными предприятиями, нехватка рабочих рук, резкое отставание в развитии сельского хозяйства, неблагоприятная экологическая обстановка.

Региональный хозрасчет дает республиканским и другим местным органам власти рычаги для формирования такой хозяйственной структуры, которая наиболее отвечает социальным нуждам населения и в то же время выгодна с точки зрения межреспубликанского, общесоюзного разделения труда.

Региональный хозрасчет связывает доходы республики с эффективностью работы предприятий, действующих на ее территории. Следовательно, исключается необоснованное межрегиональное перераспределение фондов потребления, а это заставляет республики экономно тратить средства, указывает им путь к увеличению их бюджета за счет повышения эффективности и числа рентабельных организаций.

При обсуждении проблем республиканского хозрасчета часто задавались два вопроса. Первый — не приведет ли он к тому, что предприятия, освободившись от диктата министерских бюрократов, попадут под еще более жесткий контроль местной бюрократии? Второй — не будет ли этот хозрасчет способствовать обособлению

и замкнутости регионов, что в конечном счете нанесет ущерб эффективности и техническому уровню производства?

Такие сомнения были бы вполне обоснованы, если бы республиканский хозрасчет означал лишь замену одной, ведомственной, административной системы на другую, местническую. Подобная замена была до сих пор реальной угрозой.

Однако изложенные выше поправки к Закону о государственном предприятии (объединении) сводят эту угрозу к минимуму, поскольку резко расширяют хозяйственную самостоятельность предприятий, увеличивают возможность для них свободно выбирать себе деловых партнеров как в рамках данного региона, так и за его пределами.

Подчеркнем, что необходимая предпосылка эффективного хозяйствования — четкое законодательное разграничение прав и обязанностей между собственниками средств производства и коллективами, ведущими хозяйство.

Структурная перестройка производства (как отраслевая, так и территориальная) направлена на то, чтобы оно выпускало продукцию, необходимую народу. Но пока еще не полностью решен вопрос: как выпускаемая продукция и услуги будут доводиться до различных социальных слоев населения?

Это зависит от распределения денежных доходов и от доступа отдельных слоев населения к жизненным благам — платным и бесплатным. Социальная (а не просто потребительская) переориентация экономики предполагает преодоление тех глубоких отклонений от принципа социальной справедливости, которые были присущи предшествующим десятилетиям.

Следует подчеркнуть, что социальная справедливость — не отвлеченный моральный принцип. Это жесткий общественный императив, от выполнения которого зависит жизнеспособность народа, его экономическое и культурное здоровье.

Если, например, в стране плохо обеспечены ее престарелые граждане, это не может не воздействовать на остальную часть населения, подрывая дисциплину труда, деформируя все духовные ценности. Столь же деформируют отношения и общественное сознание неоправдан-

ные привилегии, которыми пользуются «избранные» социальные группы.

Короче говоря, обеспечить соответствие между производством и платежеспособным спросом населения — еще недостаточно, чтобы нацелить экономику на решение социальных задач. Для этого не менее важно обеспечить справедливое распределение произведенного.

Наиболее острая и неотложная проблема здесь — наличие огромного слоя малообеспеченных граждан, чей доход не превышает прожиточного минимума, а часто намного ниже его, что означает нищету. Неоправданный разрыв в доходах между малообеспеченными и зажиточными слоями населения не противоречил, а уживался с уравниловкой, при которой трудящийся не имел возможности работать по способности и получать по труду.

Существовавшую (и во многом еще сохраняющуюся) систему распределения доходов можно охарактеризовать как уравнилельно-иерархическую, где уравнилельность распространялась внутри определенного социального слоя «по горизонтали», а «по вертикали» сохранялся значительный разрыв между социальными группами.

Проблема указанного разрыва резко обострилась с проведением экономической реформы в СССР. С одной стороны, ускорился инфляционный рост цен и исчезновение с прилавков дешевых товаров, приобретаемых лицами с низкими доходами. С другой стороны, резко увеличилась численность населения, получающая сверхвысокие доходы, в том числе нетрудовые.

В таких условиях наличие многомиллионной массы малообеспеченных людей не только подрывает социальные основы общества, но и становится барьером на пути дальнейшего развития экономической реформы (имея в виду необходимость усиления стимулирования и дифференциации зарплаток, переход в перспективе к новой системе ценообразования и др.).

Напомним, что в 1988 г. показатели среднедушевых доходов в СССР (в процентах от численности населения) были такими:

до 75 руб. в месяц	— 12,6
от 75 до 100 руб.	— 15,7
от 100 до 125 руб.	— 17,6
от 125 до 150 руб.	— 15,7
от 150 до 175 руб.	— 12,2

от 175 до 200 руб.	— 9,0
от 200 до 250 руб.	— 10,1
свыше 250 руб.	— 7,1.

По официальным данным, численность малообеспеченных лиц со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума составляет 43 млн. человек.

Для ослабления остроты проблемы малообеспеченности уже в 1989 г. началось увеличение минимальных размеров пенсий, на что в расчете на год было выделено более 6 млрд. руб. Увеличена продолжительность трудового отпуска работающим женщинам с 56 до 70 календарных дней и оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до достижения им полутора лет.

Увеличен до 12 лет возраст детей, на которых выплачиваются пособия в малообеспеченных семьях, а также повышены нормы расходов на питание в дошкольных учреждениях и др.

Всего на проведение социальных мероприятий за счет бюджета в 1990 г. будет направлено свыше 10 млрд. руб., что в 2,5 раза больше, чем выделялось по плану в 1988 и 1989 гг.

Осуществляются меры по повышению доходов и среднеоплачиваемых слоев населения. К 1 июля 1989 г. на новые повышенные тарифные ставки и должностные оклады переведено около 60 млн. работников производственных отраслей.

Начался перевод на новые условия оплаты труда за счет средств, заработанных трудовыми коллективами, на предприятиях и в организациях торговли, общественного питания и материально-технического снабжения. На 30% возросла (в первом полугодии 1989 г. по сравнению с аналогичным периодом 1988 г.) средняя зарплата в научно-исследовательских, проектных и проектно-конструкторских организациях.

Одновременно было начато проведение системы мер по ограничению чрезмерно высоких доходов, по отмене неоправданных льгот и по ужесточению борьбы с нетрудовыми доходами.

В этой связи хотелось бы кратко охарактеризовать роль кооперативов. Результаты их деятельности весьма противоречивы.

С одной стороны, кооперативы уже сделали весомый вклад в производство товаров и услуг для населения, по-

могли повысить доходы для части пенсионеров, учащихся, увеличить общую занятость. С другой стороны, явно не оправдались надежды на то, что кооперативы явятся стабилизирующим фактором в экономике.

Наоборот, их деятельность привела к значительной утечке квалифицированных кадров с государственных предприятий, обострила дефицит на многие товары розничной торговли, способствовала взвинчиванию цен и т. д.

Главная причина сложившегося положения, разумеется, не в самих кооперативах, а в грубых ошибках при их формировании. Не было учтено, что кооперативы создаются в глубоко деформированной хозяйственной системе с явно заниженным общим уровнем оплаты труда на государственных предприятиях, с острым дефицитом потребительских товаров, с хронической нехваткой сырья и т. д. Поэтому исходный, явно заниженный уровень подоходного налога сразу же поставил кооператоров в несправедливо-привилегированное положение по сравнению с остальными трудящимися.

Еще более грубой ошибкой было равное обложение производственных и торгово-закупочных кооперативов. Теперь на основе горького опыта эти ошибки исправляются, общий уровень допустимого налогообложения резко повышен, а производственным и другим особенно нужным кооперативам установлены льготы.

Однако существенный разрыв в доходах между кооператорами и многими трудящимися сохраняется, и решение этой социальной проблемы надо искать не в подавлении кооперативного движения, а за счет ускорения и углубления реформы в государственном секторе хозяйства, предоставления трудовым коллективам самостоятельности и возможности зарабатывать высокие доходы.

Тенденции к выравниванию доходов в разных секторах экономики будут способствовать ориентации производства на потребителя и насыщению рынка товарами, прекращению инфляционного роста цен.

И еще весьма кратко о спекуляции, т. е. скупке товаров с целью перепродажи и извлечения выгоды. Традиционно такую скупку принято рассматривать как уголовно наказуемую деятельность.

Безусловно, перепродажа дефицитных товаров, приобретаемых по государственным ценам, является явно паразитическим занятием, которое родственно действиям

рыночной мафии по монополизации торговли и повышению цен на колхозных рынках и в кооперативной торговле. С такого рода спекуляцией должен бороться закон.

Но как расценить деятельность кооператоров и отдельных лиц по закупке относительно избыточных товаров по договорным ценам в одних регионах с целью их перепродажи по более высоким ценам в других, где этих товаров не хватает?

Очевидно, что без такого перемещения товаров не может функционировать общесоюзный рынок предметов потребления, его бесполезно и даже вредно запрещать в административном порядке. Более того, к такой закупке продукции с целью ее перепродажи по договорным ценам в других регионах необходимо широко привлечь и государственные торговые организации.

А чтобы эта деятельность не служила источником нетрудовых доходов, нужна гибкая система прогрессивного налогообложения, которая бы уравнивала доходы от торгово-посреднических операций (которые тоже требуют немалых затрат времени и сил) с любыми другими видами трудовых доходов.

В заключение отметим, что глубокий поворот экономики к социальным нуждам населения только еще начинается. Он направлен в наибольшей мере на плановое изменение отраслевой структуры экономики и пропорций использования национального дохода, в меньшей степени — пока на социальную переориентацию хозяйственного механизма. И в еще меньшей степени этот поворот преобразует самую отсталую и взрывоопасную сферу — социальные нужды и социальные отношения.

Революционное значение этого поворота несомненно, но уже первые шаги развития по новому пути выдвигают сложные проблемы, требующие детального обсуждения.

К СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ХОЗЯЙСТВЕННОМУ МЕХАНИЗМУ

Как оценить изложенные выше меры в области структуры производства и хозяйственного механизма с точки зрения поставленной задачи — добиться социальной переориентации экономики?

Если сопоставить новую структурную политику с тенденциями, действовавшими в нашей стране на протяжении многих десятилетий, то это глубокий поворот. Если же сопоставить с грандиозными масштабами самой задачи; то перечисленные меры можно охарактеризовать как скромное начало.

В самом деле, в результате как трудных внешних условий, так и длительного инерционного движения наша страна оказалась на одном из последних мест среди индустриальных стран мира не только по среднему потреблению, но и по обеспеченности жильем, по уровню образования, по качеству медицинского обслуживания, по показателям физического и нравственного здоровья народа (если показателями последнего считать уровень преступности, алкоголизма, устойчивости семьи, состояние помощи обездоленным).

Мы привычно ищем причину нерешенности социальных проблем в отставании объемов производства, его технического уровня, эффективности. Но может ли производство не отставать, если оно оторвано от своей главной жизненной функции — удовлетворять социальные потребности трудящихся и всего населения?

Не потребление должно быть подчинено производству, а, наоборот, производство в целом должно прямо и непосредственно служить нуждам населения. Только тогда производство будет иметь постоянные мощные импульсы к развитию, оно перестанет прозябать, его не надо будет толкать вперед директивными «пинками».

Для того чтобы совершить этот революционный переворот, необходимо расстаться со старой исполнительско-инженерской психологией. И может быть, этот разрыв с привычкой, имеющей к тому же глубокие корни в истории страны, самый трудный.

Многие десятилетия мы все работали «на план», ожидая, что если план будет выполняться, то и благосостояние каждого кто-то «сверху» будет повышать. Однако выяснилось, что сами планы составляются на предприятиях, в ведомствах, в плановых органах так, чтобы не слишком обременять эти организации, чтобы ресурсов для производства получить у общества побольше, а обязательств взять полегче. В итоге — огромные затраты и скромные результаты.

Как считает автор, необходимо:

во-первых, заставить каждое предприятие работать

не «на план», а на платежеспособный спрос населения прямо или через цепь межотраслевых обменов;

во-вторых, само планирование перестроить так, чтобы его исходным пунктом и конечным результатом были не абстрактные объемы вала, а социальные потребности и их удовлетворение;

в-третьих, всю пирамиду управления народным хозяйством надо создать заново, чтобы она в каждом звене (от совета трудового коллектива предприятия и исполкома местного Совета до Совета Министров СССР) была нацелена на социальные нужды и не могла бы иметь никакой иной центральной задачи.

Осуществляя эту перестройку, необходимо иметь в виду, что система экономических связей, форм стимулирования, планирования, управления не существует в отрыве от материальной структуры хозяйства. Хозяйственный механизм, ориентированный на социальные потребности, не сможет успешно действовать, если отраслевой состав производства, подготовка его кадров, его оснащенность, территориальное размещение и другие факторы противоречат этой ориентации. Хозяйственный механизм и материальная структура экономики должны перестраиваться только вместе, опираясь друг на друга.

Поэтому прежде чем подробнее рассматривать вопрос о дальнейшем развитии форм хозяйствования, следует вернуться к коренным проблемам структурной политики.

Уточним вопрос, поставленный в начале раздела: **достаточно ли принятых мер, чтобы подчинить структуру народного хозяйства социальным целям?**

Нет, недостаточно. Потому что указанные меры предусматривают главным образом приспособление уже сложившейся, существующей структуры производства к нуждам населения, а необходимо изменение основ этой структуры.

Снабжение населения высококачественными и дешевыми товарами, здравоохранения сложным современным оборудованием, лекарствами, науки и образования гаммой приборов, пособий и др. — эти задачи не могут быть кардинально решены путем навязывания предприятиям тяжелой и оборонной промышленности выпуска не свойственной им, побочной продукции.

Не менее трудно этим предприятиям производить в виде дополнительной нагрузки новейшее оборудование для легкой, пищевой промышленности, торговли, сель-

ского хозяйства, сферы бытовых услуг, предприятий культуры и т. д. Таким путем можно лишь временно улучшить положение, насытить товарный голод.

Эта срочная переориентация мощностей, как уже отмечалось выше, — лишь необходимая мера, ибо иных средств выхода из тяжелого положения у нас теперь нет. Но она не должна заслонить главную проблему: современной системы производства товаров народного потребления, отвечающей мировым стандартам качества, издержек, технологичности, массовости, в нашей стране пока еще не существует.

Да, мы выпускаем автомобили, телевизоры, магнитофоны и многую другую сложную продукцию для населения. Но цена ее, если цену измерять средней заработной платой, т. е. оплаченным трудом работника, в несколько раз выше, чем в капиталистических странах, а качество намного ниже. И даже при этих условиях производство покрывает лишь часть потребностей.

У нас нет современного сельского хозяйства (хотя и есть высокопродуктивные хозяйства и целые регионы). Это подтверждают экономические показатели. Себестоимость производимой продукции здесь непомерно высока. Будучи измерена той же средней заработной платой, она опять-таки во много раз выше, чем в сходных по природным условиям странах Запада.

Эта отрасль «держится» только за счет ежегодных стомиллиардных субсидий, которые финансируются в конечном счете самим населением страны. О низком техническом уровне, неудовлетворительной структуре и непомерной дороговизне наших сельскохозяйственных машин написано много и убедительно.

Состояние пищевой промышленности явно кризисное, что можно подтвердить следующими данными. В 1988 г. производство сахара снизилось по сравнению с 1987 г. на 12%. Основная причина — выход из строя устаревшего оборудования. В крупнейшей сахаропроизводящей области — Воронежской — половина сахарных заводов была построена примерно полтора столетия назад.

По уровню развития и состоянию нашей дорожной сети мы отстаем не только от индустриальных, но и ряда развивающихся стран. А ведь дороги — это конвейерная система современного специализированного производства, это артерии, питающие жизнь населения, Вмест-

те с телефоном и другими средствами связи — это материальная основа интегрированности общества.

Все это означает, что страна стоит перед необходимостью новой индустриализации.

Но в отличие и в противоположность тяжелой памяти индустриализации 30-х годов, это должна быть во всех отношениях другая индустриализация.

Первая индустриализация представляла собой форсированное создание тяжелой и оборонной промышленности (отраслей группы «А») за счет обескровливания всех остальных сфер экономики, и прежде всего сельского хозяйства.

Вторая индустриализация должна, наоборот, создать мощную систему кровообращения, ибо она сама будет порождать те материальные и социальные стимулы, которые умножают производительность труда, творческую энергию работников. На ее знамени должно быть начертано: «Благосостояние сегодня!»

Назовем ее для краткости индустриализация «Б». Она должна быть рассчитана не на одно пятилетие: никаких новых расточительных «скачков» допустить нельзя. В итоге будет исправлена социальная трагедия, в которую оказался вовлечен волею исторических судеб и теоретических заблуждений социалистический строй.

Обратимся к истории. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. во всем мире производство средств производства (группа «А») росло быстрее производства предметов потребления (группа «Б»). Прибавочный продукт общества, превращаясь в капиталистическую прибыль, затем накапливался благодаря строительству заводов, шахт, железных дорог, электростанций, словом, основных производственных фондов главным образом в группе «А». Потребление населения было жестко ограничено.

Отсюда марксистами был сделан теоретический вывод: поскольку характерная особенность капитализма — накопление действующего капитала (в виде создания все новых и новых производственных фондов), то отрасли группы «А» должны развиваться относительно независимо от группы «Б» резко опережающими темпами. Что же касается потребления населения, то оно при капитализме играет подчиненную роль и постоянно ограничивается.

Социализм был призван кардинально изменить отно-

шение между производством и потреблением, установить подчинение первого второму.

Но история еще раз продемонстрировала свой примат над любой теорией, еще раз было доказано, что вечных истин не бывает.

После первой мировой войны в ряде стран Запада под влиянием технической революции, борьбы трудящихся были осуществлены глубокие структурные сдвиги, ориентирующие экономику на массовые потребности в товарах и услугах. В СССР, первой стране социализма, происходил поворот в противоположном направлении: трудовые ресурсы и финансовые средства из всех сфер хозяйства перемещались в отрасли тяжелой индустрии.

В 20-х годах Сталин и его окружение индустриализацию путем первоочередного развития отраслей группы «Б» отвергли, презрительно именовали ее «ситцевой индустриализацией». Но без нее невозможно было развивать народное хозяйство с опорой на материальные стимулы, а не на политико-административные рычаги и угрозу голода.

Разумеется, современная индустриализация «Б» — это уже не «ситцевая индустриализация» в отсталой индустриально-аграрной стране.

Во-первых, она может опираться на мощную внутреннюю основу в виде созданных в стране энергетических, транспортных и иных инфрасистем, на имеющиеся отрасли тяжелой индустрии, на огромный научно-технический и производственный потенциал, созданный в оборонных и инвестиционных отраслях (машиностроении, строительстве и др.). На этой основе должен быть создан высокоразвитый потенциал для производства оборудования и материалов, необходимых отраслям группы «Б».

Во-вторых, индустриализация «Б» может использовать огромные возможности, обусловленные широким участием СССР во всемирном хозяйстве, привлечением иностранного капитала, заимствованием зарубежного опыта.

В-третьих, речь идет об опережающем развитии не ограниченной группы отраслей, выпускающих продовольственную и текстильную продукцию, а целой индустриальной системы, удовлетворяющей разнообразные потребности современного человека. Эта система включает и развитое автомобилестроение, и передовую радиоэлек-

тронику, и основанное на новейших достижениях фармацевтического производства, и многое другое.

В-четвертых, важная особенность индустриализации «Б» заключается в том, что она не может ограничиться созданием производств, выпускающих потребительские товары, а должна обеспечить создание разветвленной системы бытовых и социальных услуг, опирающейся на соответствующую материально-техническую базу.

В-пятых, неотъемлемой частью новой индустриализации является создание развитого производства средств охраны природной среды (измерительной аппаратуры, оборудования для очистных сооружений, пылеулавливателей и др.), а также научно-конструкторской базы по экологической реконструкции всех существующих производств (на основе безотходных технологий, рециркуляции, утилизации и переработки отходов и др.).

С учетом всего сказанного новую ориентацию индустриального развития СССР можно рассматривать как **социальную реиндустриализацию**, имея в виду ее направленность на ускоренное удовлетворение всего круга социальных потребностей общества и в короткие сроки.

По существу, индустриализация «Б» уже началась. С 1988 по 1995 г. только в переработке сельскохозяйственного сырья намечено построить 29 тыс. и осуществить техническое перевооружение 38 тыс. предприятий. Общий объем поставок современного оборудования здесь составит 37 млрд. руб. За 8 лет предстоит сделать больше, чем было осуществлено за четыре прошедших десятилетия, — выпуск оборудования для перерабатывающих отраслей возрастет вчетверо.

Индустриализация «Б» неотъемлема от столь же быстрого развития инфраструктур. Каждое современное предприятие — это не изолированная система машин, а интегральная часть технологически связанного народного хозяйства. Оно не может действовать иначе как в рамках единых сетей электро-нефте-газоснабжения, телефонной и иной связи, систем транспортировки и складирования, водоснабжения и канализации.

В этих системах в стране имеются не только очевидные слабости, но и прямые разрывы. Отсутствуют у нас пока основанные на ЭВМ системы информатики. Ускоренное развитие инфраструктур — не только условие эффективного производства, это — основа жизнеобеспече-

ния и сферы услуг, и всего повседневного быта населения.

Кардинальное изменение материально-технической базы общества нельзя осуществлять без опоры на экологические критерии. Экологическая перестройка, с одной стороны, должна входить органической частью во все без исключения хозяйственные мероприятия. С другой стороны, она представляет собой самостоятельную проблему, охватывающую все без исключения сферы экономики и требующую для своего решения принципиального пересмотра направлений НТП и крупных затрат на протяжении длительного периода.

При современной технологии производства стоимость очистных сооружений может составлять до 40% стоимости всех основных производственных фондов предприятия. Согласно оценкам советских ученых только для очистки атмосферного воздуха потребовалось бы 100 млрд. руб. единовременных капиталовложений и 6—7 млрд. руб. ежегодных эксплуатационных расходов (для сравнения укажем, что в 1987 г. все капиталовложения природоохранного характера составили в СССР 2,7 млрд. руб.).

Экологическая перестройка, какова бы ни была ее «цена», в конечном счете неизбежна как залог выживания человечества. По имеющимся расчетам, она в длительном плане и экономически себя окупает благодаря относительной экономии на лечении, повышению производительности труда, улучшению продуктивности сельского хозяйства и др.

Думается, что всеохватывающий экологический переворот в науке, технике, экономике и обществе в целом — это следующая за индустриализацией «Б» ступень качественных преобразований, требующая не только научно-технических и экономических, но и социально-психологических предпосылок.

Тем не менее устранение опасных источников загрязнения должно иметь безусловный приоритет уже в настоящее время; и столь же безотлагательной является перестройка всей системы хозяйствования в районах экологического бедствия (район Чернобыльской трагедии, более 100 городов страны, Аральское море, Ладожское озеро, Байкал, Волга и др.).

Индустриализация «Б» призвана решать задачу создания такой экономики, которая по своей эффективности

соответствует возможностям современной науки и техники, а по структуре — народным потребностям. При этом она должна выправить и глубокий дисбаланс между материально-технической базой города и села.

До сих пор из села в индустриальные центры уходят миллионы тружеников. Безусловно, в этом виноват продолжающийся экстенсивный рост городской промышленности, но в еще большей мере — резкое отставание села от города по общим условиям жизни и труда (обеспеченность жильем, социальными услугами, средняя оплата труда, состояние дорог и связи, техническое обслуживание производства и др.).

Чтобы выправить дисбаланс, социальное и производственное развитие села должно в обозримом будущем происходить опережающими темпами. Это означает, что индустриализация «Б» должна прежде всего учитывать социальные и хозяйственные нужды села (строительство многих тысяч мелких предприятий по переработке сырья, баз хранения, сельских дорожных сетей, газопроводов, местных строительных и ремонтных баз, жилья, социально-культурное строительство и многое другое).

Иначе говоря, все процессы социально-экономического развития в стране должны быть на длительное время сориентированы на село.

До сих пор же наблюдалось нечто парадоксальное: все программы ускорения роста сельского хозяйства приводили к ускорению развития городов (за счет машиностроения, химии, науки, управленческих аппаратов и др.) и в гораздо меньшей степени — самого села. Чтобы это не повторилось, именно село должно стать центром притяжения всех эффективных в сельских условиях видов хозяйственной, научной и социально-культурной деятельности.

Но это вещественная, материально-техническая сторона проблемы. Какие процессы должны ей соответствовать с точки зрения общественных отношений?

Если сказать кратко, вся система общественных связей также должна быть сориентирована на человека.

До сих пор эта система была ориентирована на государство, которое, как предполагалось, олицетворяет общество в целом.

От каждого работника, коллектива, региона нити тянулись «вверх», в центр, в правительство. Каждый, как предполагалось, трудился на государство и от государ-

ства ждал вознаграждения за труд. И государство пыталось регулировать всю эту гигантскую систему связей посредством централизованного плана и сотен миллионов различных норм.

Уже сама по себе такая система столь громоздка, неповоротлива, что реальная экономическая жизнь шла как бы мимо или сквозь нее, полустихийно, порождая множество уродливых «подпольных» связей и форм. А если учесть, что в каждом из звеньев этой государственно-ориентированной пирамиды отношений находился свой отряд управления со своими особыми эгоистическими интересами, то не удивительно, что связь между каждым работником и «экономическим центром» на деле оказалась не прямой и ясной (как это предполагалось в теории), а ломаной, разорванной, деформированной.

Так односторонне ориентированная на государство система социально-экономических отношений привела к разрыву между трудом и его стимулами, между производством и потребностями, между плановыми и реальными приоритетами, между интересами аппарата управления и исполнителями.

Ориентировать социально-экономические отношения на человека означает:

установление непосредственных связей между производителем материальных благ (сюда включаются и те, кто их хранит, перевозит, реализует) и потребителем;

устранение государства как командующего хозяйственного посредника из сферы этих отношений.

Система непосредственных товарно-денежных связей между производителем и потребителем, где спрос и предложение взаимно регулируют друг друга, образует рынок. Для того чтобы рынок мог эффективно функционировать, необходимо соревнование, конкуренция между производителями и между потребителями. Более того, необходимо свободное передвижение ресурсов (рабочей силы, природных ресурсов, финансовых средств) из одной отрасли в другую. Необходимо и конкурентное ценообразование.

Экономисты на Западе нередко утверждают, что такой рынок невозможен без частной собственности на основные средства производства. Но это заблуждение.

В капиталистических странах собственниками крупных корпораций (держателями контрольного пакета акций) являются чаще всего представители финансового

капитала, тогда как непосредственно рыночной деятельностью этих корпораций, их модернизацией, структурными преобразованиями руководят наемные менеджеры.

Что действительно необходимо для рыночного механизма, так это широкая хозяйственная самостоятельность предприятий (объединений) в распоряжении собственной продукцией, ее объемом и ассортиментом, в установлении цен на нее, в выборе партнеров. Такая самостоятельность вполне может быть обеспечена при сдаче общественной собственности в аренду, при кооперативной и муниципальной собственности.

Вполне возможно, что могут возникнуть и социалистические акционерные предприятия, где контрольный пакет акций будет у государственных финансовых институтов (например, у отраслевого либо регионального банка), а другими акционерами явятся члены данного трудового коллектива, другие предприятия, коммерческие банки, кооперативы и вообще население.

Необходимо четко представлять себе, в чем преимущества и недостатки рыночного механизма, что он может и чего не может.

Рынок может оперативно изменять объем и структуру предложения, приспособлявая их к платежеспособному спросу (это приспособление происходит частично путем движения производства, частично — посредством изменения цен). Рынок способен экономно «распределять» ресурсы, направляя их туда, где они наиболее необходимы. Рынок, наконец, заставляет потребителя выбирать самую рациональную, с точки зрения общества (при данном уровне доходов), структуру потребления, поскольку цены будут соответствовать реальным затратам.

Чтобы понять движущие силы современного рыночного механизма на Западе, совершенно недостаточно учитывать лишь конкуренцию между фирмами. Не менее важно учитывать то мощное и постоянное взаимное «давление», которое оказывают друг на друга рабочие и предприниматели.

Известно, что в итоге действия хозяйственного механизма капиталистической экономики произошло значительное повышение реальных доходов трудящихся. До сих пор мы представляли себе это повышение как процесс, который развивался вопреки действию названного механизма, на основе некой контрсилы, а именно орга-

низованной борьбы трудящихся за свои социально-экономические права.

Но уместно поставить вопрос: а мог ли хозяйственный механизм капиталистической экономики действовать без такой борьбы? Не является ли эта борьба составной частью данного механизма? И если ее исключить, то не получился ли бы совсем другой механизм с совершенно другими показателями научно-технического прогресса, эффективности и уровня жизни?

Рассмотрим вкратце основные элементы, связующие звенья и процессы современного капиталистического рынка, ибо этот рынок и есть основа упомянутого хозяйственного механизма.

Прежде всего таким элементом является конкуренция издержек и цен, фактическая и потенциальная. Если при данном качестве товара издержки и цены господствующих фирм слишком высоки, на этот рынок немедленно вторгнутся конкуренты из-за рубежа или из других отраслей этой же страны.

Итак, конкуренция вынуждает снижать удельные издержки при одном только «но», которое имеет решающее значение во всей этой механике. Трудящиеся и их организация не допускают экономии на реальном уровне своих доходов. Предприниматели вынуждены искать иные пути экономии — за счет роста производительности труда, ресурсосбережения, улучшения организации производства, иными словами, прежде всего путем отбора высокоэффективных вариантов НТП.

Конечно, в условиях частично монополизированных рыночных структур велика тяга корпораций к повышению цен и к сокращению числа занятых. Но и тут профсоюзы заставляют предпринимателей увеличивать зарплату в зависимости от роста производительности труда и повышения роста цен, ограничивать увольнения.

Казалось бы, «присвоение» трудящимися значительной доли прироста суммарного дохода, который получается в результате увеличений эффективности производства, невыгодно предпринимателям. Для каждого в отдельности действительно невыгодно, а всем им вместе очень даже выгодно.

Во-первых, растут сбережения населения, которые аккумулируются в банках и через систему кредита используются теми же предпринимателями на капиталовложения.

Во-вторых, увеличение реальной заработной платы заставляет предпринимателей чрезвычайно экономно расходовать труд, а это приводит к образованию значительного резерва рабочей силы для дальнейшего расширения предпринимательской деятельности в любой сфере.

В-третьих, повышение доходов населения и развитие на этой основе потребностей создают условия для формирования все новых и новых отраслей хозяйства.

Итак, мы проанализировали три основных элемента хозяйственного механизма капиталистической экономики, а именно:

конкуренцию, ограничивающую рост цен;

организованную борьбу трудящихся, способствующую росту их реальных доходов;

достижения НТП, позволяющие ограничивать и сочетать снижение издержек, рост прибылей и повышение доходов трудящихся с расширением производства.

В этом механизме «сцеплены» экономический, социальный и технический элементы, но без любого из них механизм бы не действовал.

Государство и корпорации на Западе давно уже осознали преимущества этого механизма и создали формы, которые обеспечивают его относительно бесперебойное функционирование, включая антимонополистическое законодательство, поощрение инвестиций, индексацию заработной платы, установление относительно высокого минимума почасовой оплаты труда, введение системы «пожизненного найма» и т. д.

Преимущества рыночного саморегулирования перед системой директивного управления хозяйством, как считает автор, очевидны: такое саморегулирование резко ускоряет научно-технический прогресс, что в современных условиях имеет решающее значение; повышается и эффективность производства. При этом увеличивается благосостояние не только потому, что создаются потенциальные условия повышения доходов, но и потому, что благосостояние тем выше, чем шире ассортимент потребительской продукции и возможности выбора для покупателя.

Огромное моральное значение имеет тот факт, что рыночная конкуренция дисциплинирует каждого занятого, дает простор экономическому, научно-техническому, организационному творчеству миллионов людей,

стимулирует их энергию и инициативу, которые в значительной мере скованы директивным централизованным планированием с его системой жестких заданий и нормативов.

В то же время саморегулирующийся рынок, как подтверждает практика, не может:

избежать постепенного поглощения или вытеснения слабых объединений сильными, установления в конце концов вместо конкуренции монополии, общего роста цен;

обеспечить достаточный совокупный платежеспособный спрос, иными словами, предотвратить кризисы перепроизводства;

предотвратить массовую безработицу;

осуществить крупные структурные сдвиги в масштабах страны, рассчитанные на 10—15 лет;

создать условия для реализации крупных проектов, рассчитанных на массовое пользование (например, автострад, телефонных сетей, систем электро- и газоснабжения, освоения новых регионов и т. д.);

не способствовать углублению социальной дифференциации между различными слоями общества;

защитить «слабые группы» — пенсионеров, молодежь, учащихся, многодетные семьи, инвалидов;

удовлетворить социальные нужды низкооплачиваемых слоев населения (в жилье, медицинских услугах, образовании, культуре и др.);

нейтрализовать факторы, разрушающие окружающую природную среду.

Чем на Западе компенсируются эти изъяны рыночного саморегулирования?

Что касается крупных структурных маневров в экономике и проектов, требующих десятков и сотен миллиардов долларов, то решения о них на основе научных расчетов (а не рыночной конъюнктуры) принимают финансовые магнаты с участием государственных органов. Последние, кроме того, стимулируют такие акции субсидиями, льготами, кредитом, подготовкой кадров и т. д.

Конкуренцию поддерживает государство посредством антимонополистического законодательства и привлечения на внутренний рынок иностранных продавцов. Государство также за счет своих расходов, эмиссии денег, расширения кредита поддерживает платежеспособный

спрос, избегая тем самым кризиса и ограничивая опасный рост безработицы.

Гибкая политика прогрессивного налогообложения доходов и многочисленные социальные программы позволяют государству частично сглаживать социальные антагонизмы.

Что касается охраны природы, то здесь в отношении фирм действует сложный комплекс законодательных норм, административных запретов, штрафов, опирающийся на регионально дифференцированные нормы предельно допустимого загрязнения и учитывающий экономические и технологические возможности.

Очевидно, что эта чрезвычайно разветвленная система компенсации изъянов саморегулирующего рынка вполне способна своими инфляционными и другими стимулами направить рынок по ложному пути, а посредством налоговых изъятий и административных запретов подавить вообще рыночные стимулы. На грани такого состояния находились некоторые капиталистические страны к концу 70-х годов, чем и была вызвана «неоконсервативная волна» с ее «рейганомикой» и «тэтчеризмом».

Но насколько успешно можно компенсировать экономические и социальные изъяны рынка, чтобы при этом не подорвать его эффективность?

Западная практика позволяет теперь дать следующий ответ: это возможно в такой степени, чтобы избежать общего экономического и социального взрыва. Но эффективно действующий рынок, несмотря на его регулирование, неизбежно порождает и накапливает острые социальные проблемы, которые не могут быть компенсированы происходящим общим ростом уровня потребления.

И не случайно в конце 80-х годов социально-политический маятник в Западной Европе и частично в США вновь качнулся в пользу социал-реформизма, ратующего за усиление государственного регулирования.

Социалистический рынок качественно отличается от капиталистического тем, что он опирается на общественную собственность (в различных ее формах) и направляется государственным планом.

Будет ли такой рынок более эффективным экономически и менее подвержен негативным социальным по-

следствиям? Окончательный ответ может дать только конкретная практика.

Ведь и в различных странах Запада капиталистический рынок дает весьма неодинаковые результаты и в экономическом, и в социальном плане. А опыт социалистических стран (например, Югославии, Китая, Венгрии) слишком противоречив, и к тому же условия каждой из них резко отличаются от наших. Многие зависят от искусства хозяйственного управления (которое у нас, к сожалению, в течение десятилетий остается на низком уровне).

Но теоретически можно предвидеть, что с точки зрения движущих сил эффективности социалистический рынок вряд ли превзойдет современный рыночный механизм в Японии, США, странах Западной Европы. Разнообразие форм конкуренции на внутреннем и мировом рынках, гибкие методы перелива ресурсов, системы финансовой поддержки и др. — все это говорит о том, что капитализм создал различные «двигатели» эффективности и убрал тормоза.

Социалистический рынок противопоставит этому свою развивающуюся конкуренцию, заинтересованность, сплоченность самоуправляющихся трудовых коллективов, возрастающую взаимную требовательность в отношениях между организациями — арендаторами средств производства и арендодателями (представляющими в конечном счете общество), взаимовыручку и помощь тем, кто напряженно трудится и готов на разумный риск, и др.

Если в области рыночных движущих сил преимущества социализма в обозримый период проблематичны, то с точки зрения возможностей общественной координации хозяйства, особенно в стратегическом плане, они убедительны.

Капиталистический рынок, обеспечивая высокую эффективность действующего производства, оставляет за его бортом значительную долю национальных ресурсов, о чем свидетельствуют миллионы безработных, необрабатываемые земли при десятках миллионов людей, живущих впроголодь, крупные неиспользуемые мощности.

Западные экономисты отмечают, что в погоне за прибылями значительная часть инвестиций производится ошибочно и не дает должной отдачи. В то же время немалая доля производимых потребительских товаров на

вязывается рекламой и фактически бесполезна, тогда как многих необходимых видов продукции и услуг (дешевого жилья, школьных помещений, общественного транспорта и др.) не хватает.

Следовательно, основное преимущество социалистического рынка с точки зрения эффективности использования национальных ресурсов может состоять только в его плановости.

Конечно, план теперь вызывает скептицизм. В течение последних десятилетий централизованный план представлял собой в значительной мере лишь инструмент увязки эгоистических ведомственных и местнических интересов. Такой план приводил к потерям не меньшим, а большим, чем стихийный рынок.

Теперь план должен иметь иные качества: он должен не нарушать, а направлять процесс рыночного саморегулирования, быть строго научным и последовательно демократичным. Только в этом случае он явится опорой быстрого, устойчивого, пропорционального развития экономики в целом, что и будет главным источником нашего преимущества в эффективности.

Можно задать вопрос: если план дает столь ощутимый выигрыш в эффективности народного хозяйства, почему его не вводят страны Запада, ограничиваясь государственным регулированием?

Раньше, до второй мировой войны, можно было определенно ответить, что этому мешала частная собственность на основные средства производства.

Но в послевоенные десятилетия во многих странах Запада неоднократно проводилась широкая национализация заводов, железных дорог, банков и т. д., а в некоторых из них, несмотря на волны денационализации, и теперь значительная часть собственности принадлежит государству, профсоюзам, кооперации. И тем не менее эти страны довольно постоянны в своем нежелании иметь планоуправляемое хозяйство.

Вопрос этот не простой. Думается, что главная причина отказа социальная. Дело в том, что выигрыш от полустихийного рыночного хозяйства получают предприниматели и так называемый средний класс (мелкие собственники, лица свободных профессий, квалифицированные рабочие и служащие и др.). Их интересы и защищают органы власти, средства информации, наука.

А издержки такого хозяйства — это удел десятков

миллионов людей, оказавшихся на обочине прогресса, — малоквалифицированные рабочие, особенно в застойных отраслях, разоряющиеся фермеры, вытесняемые компьютеризацией клерки, социально слабые слои и, конечно, хронически безработные.

Глубоко укоренившийся на Западе социальный эгоизм (который, к сожалению, развивается и у нас) заставляет предпочитать такую систему хозяйствования, которая обеспечивает благоденствие одной части населения, а жизненный уровень остальной части поддерживается государственной и частной благотворительностью.

В советской печати появились высказывания о том, что с введением у нас рынка социальные права трудящихся должны быть защищены. Это правильно при условии, что наш рынок в социальном отношении будет вариантом западного.

Как отмечено выше, и на Западе имеется разветвленная система социальной защиты от действий рынка (законодательное регулирование условий труда и минимума заработной платы, пенсий, страхование на случай болезни и безработицы и др.).

Но должен ли социалистический плановый рынок в социальном отношении быть неким вариантом полустихийного западного рынка? Или он должен иметь принципиально иную направленность и структуру?

Нам представляется, что социалистический планово-рыночный механизм в каждом своем звене должен быть подчинен четким социальным критериям и иметь социальную направленность.

Нет ли здесь ошибки, ведь теперь принято считать, что между экономическим фактором и социальным не только разрыв, но прямое противоречие.

Вполне закономерно, что в условиях рынка трудовой коллектив будет ставить задачу максимизировать доход предприятия, а каждый трудящийся — свой личный доход.

Но каким образом, на какие цели будет использован этот доход?

Известно: наибольшим стимулом в труде является личный доход трудящегося, потому что этот доход он использует на наиболее важное и необходимое и решения здесь он принимает сам, это сфера его личной экономической свободы.

Но и коллективный фонд расходов на социальное

культурные нужды может стать значительным стимулом, однако при обязательной предпосылке, что решение о его размерах и использовании принимается коллективно, в результате тщательного и всестороннего обсуждения.

Если эти средства добровольно решено направлять на самое неотложное (например, на создание комфортных условий в цехах, на строительство жилья и детских садов, дополнительную помощь ветеранам и многодетным и т. д.), то это мощный и материальный, и моральный стимул к труду для каждого члена коллектива. И наоборот, данный фонд окажет общее дестимулирующее воздействие, если будет определяться и расходоваться «по команде» либо келейно.

То же самое можно сказать и о фонде развития производства, поскольку его использование прямо влияет на условия труда и будущие доходы коллектива.

Важно, чтобы и расходы предприятия на охрану окружающей среды все в большей мере становились объектом сознательных, добровольных решений коллектива, особенно там, где члены коллектива проживают в той же местности, где находится предприятие.

Можно возразить: для того чтобы коллективные социальные нужды рассматривались и как личные, необходима революция в осознании человеческих потребностей, переоценка собственных интересов.

Но такая переоценка уже началась. Об этом свидетельствуют массовые движения в защиту природы, культурного достояния, здоровья и другие, деятельность соответствующих неформальных организаций (их слабость в том, что они пока не «пустили корней» внутри трудовых коллективов, а распространяются за их рамками). Об этом же свидетельствуют и многочисленные решения трудовых коллективов о выделении средств на социальные нужды и об их использовании.

Для упрочения и расширения не только индивидуальных, но и коллективных стимулов к труду необходимо, чтобы у предприятий оставалась возможно большая часть произведенного ими дохода и чтобы решения об ее использовании принимались на основе подлинного демократизма.

Как видно из сказанного, коллективная социальная потребность, коллективный экономический интерес вполне могут дополнять и развивать индивидуальные по-

требности и интересы, а не быть с ними в антагонизме, но при строго определенных условиях.

Поскольку это ключевой вопрос для формирования социально-ориентированного планово-рыночного механизма, рассмотрим его более подробно.

XIX Всесоюзной конференцией КПСС провозглашена задача — создать общество реального гуманизма, где человек выступает мерой всех вещей. Но в чем состоит природа этой меры?

На этот счет имеются самые различные точки зрения. Ранее господствовало положение, что природа человека определяется общественными отношениями: изменились отношения — меняется и эта природа.

Теперь нередко считают, что природа эта неизменна, она подчиняется эгоистическим мотивам поведения. Имеется суждение, что природа человека имеет двойственное начало: его личные интересы определяются биологическими потребностями, а социальные — общественным сознанием.

Все эти рассуждения небезразличны для построения эффективного механизма хозяйствования. До перестройки преобладало мнение, что при общественной собственности определяющими являются общественные интересы, а индивидуальные должны быть им подчинены. Теперь многие полагают, что систему стимулов следует строить только на индивидуальной заинтересованности. Наконец, из тезиса, что индивидуальное — это биологическое, следует, что первичными должны быть личные интересы, а общественные — как бы дополнительными.

Бесспорно, что у нас был явный перекося стимулов в пользу общественных при подавлении личных. Общественные же были деформированы бюрократической системой их реализации. Отсюда и современное недоверие ко всяким общественным стимулам, обоснованная аргументация в защиту стимулов индивидуальных.

Но как действительно строить хозяйственный механизм, чтобы он оказался в гармонии с человеческой природой, а не в новом разрушительном конфликте с нею?

Наука сравнительно недавно начала изучать глубины человеческой психологии, и до окончательных выводов еще очень далеко. Но на основе того, что мы знаем из истории, по мнению автора, можно сделать ряд заключений.

Трудящийся человек способен приспособливаться к

самым различным социально-экономическим условиям, что свидетельствует о значительной гибкости психологии, возможности внешнего воздействия на нее. Но это относительно поверхностное воздействие.

Когда указанные условия нарушают глубинные мотивы поведения людей, это в конечном счете подрывает дисциплину и производительность труда, разрушает мораль. Так, человека невозможно заставить эффективно трудиться вопреки его личным интересам. Но психологически здоровый человек не сможет нормально работать и тогда, когда он видит, что труд его бесполезен (а тем более вреден) обществу, даже если ему лично будут хорошо платить.

Социально-экономическая система, которая допускает ту или иную крайность, обречена на распад.

Взаимосвязь, равновесие личного и общественного коренятся глубоко в психологии человека, и это, конечно, не случайно. Основы этой психологии формировались на протяжении сотен тысяч и даже миллионов лет — всю историю человечества, накапливались и передавались из поколения в поколение через генетический код, посредством досознательного и сознательного воспитания.

Социальность, т. е. внутренний императив поведения, требующий сочетания интересов индивида с интересами коллектива (сперва стада, потом рода, затем общины, наконец, всего общества), — это определяющее условие выживания и развития человечества. И чем более непосредственно и органично соединяются эти две мотивации, тем более полно раскрывается то положительное, что заложила природа и история в человека.

Формула для гармоничного общества, открытая давно, гласит: свободное развитие каждого — условие свободного развития всех.

Интересы личности должны быть в такой же степени подчинены задачам общества, в какой задачи общества — интересам личности. Другими словами, и те и другие интересы не должны быть подчинены, а должны быть увязаны.

Там, где между ними имеются противоречия, они должны разрешаться не за счет ущемления тех или других, а только путем движения вперед, к более высоким уровням благосостояния и демократизма. Хозяйственный ме-

ханизм, не способный наладить такого движения, обречен.

Трудовой коллектив, разумеется, — не единственная организация, где решаются социальные вопросы. Возрастающая роль принадлежит совокупности граждан, объединенных общим местом проживания, т. е. территориальной общине, и совокупности территориальных общин, объединенных в рамках области, республики.

Новый механизм хозяйствования должен преодолеть глубокий разрыв между социальной активностью местной власти и экономикой региона. Для последней эта активность до сих пор являлась либо чем-то внешним (ибо финансировалась из центра), либо повинностью и обузой, отвлекающей ресурсы предприятий.

Соединение экономической и социальной деятельности на территориальном уровне возможно в многообразных формах, но должно подчиняться двум обязательным требованиям.

Во-первых, средства на финансирование местного бюджета должны в основном представлять долю доходов предприятий, действующих на данной территории.

Во-вторых, решения об использовании этих доходов необходимо принимать гласно и демократично.

Тогда социальная деятельность местных общин будет направлена на то, чтобы помогать трудовым коллективам работать более эффективно. Трудовые же коллективы доходы местного бюджета будут рассматривать как часть своих доходов, а не как принудительное изъятие из них. В качестве избирателей они сами будут решать, на какие цели будут истрачены заработанные ими деньги.

Местные органы власти, кроме того, могут содействовать добровольному объединению части социально-культурных фондов трудовых коллективов для осуществления крупных совместных проектов (создания новых жилых массивов, спортивных сооружений, медицинских и культурных центров и др.).

До сих пор крупными распорядителями фондов, предназначенных на социальное развитие, являются ведомства. По существу, они перераспределяют эти фонды между предприятиями и регионами в рамках отрасли.

Именно в этом звене социальные фонды приобретают явно дестимулирующую роль, так как они изымаются у тех коллективов, которые их заработали, и вручаются

тем, которые этого не заслужили. Более того, извращается сам смысл социальных расходов, потому что ведомства подчиняют их текущим производственным надобностям (например, чтобы привлечь таким путем дополнительную рабочую силу, вместо того чтобы сократить в ней потребность путем механизации, автоматизации, рациональной организации производства).

Все это означает, что, за исключением новостроек, ведомства следует вообще лишить права на распоряжение социальными фондами. В тех случаях, когда отдельные предприятия нуждаются в поддержке, ведомство обязано помочь им не перераспределением средств, а созданием условий для самостоятельного зарабатывания доходов.

Главным распорядителем средств на социальные цели до сих пор является государственный бюджет. Его роль в этой сфере должна быть резко сокращена за счет увеличения роли местных бюджетов и предприятий.

Как преодолеть отчуждающую роль социального перераспределения, осуществляемого через центральный бюджет? Как добиться, чтобы социальные отчисления предприятий не воспринимались как вычеты, налоги?

На Западе пенсионные и другие социальные фонды формируются не как часть государственного бюджета, а как самостоятельные финансовые образования, средства которых поступают в виде регулярных взносов рабочих из зарплаты и взносов предпринимателей из прибыли.

Если бы эти средства у нас формировались за счет взносов из доходов трудовых коллективов, они рассматривались бы трудящимися не как некий принудительный социальный налог, а как добровольные коллективные сбережения (которыми они, по существу, являются), т. е. часть коллективного дохода.

Разумеется, государство должно было бы законодательно гарантировать солидный минимум взносов в социальные фонды, с одной стороны, пенсий и других социальных выплат — с другой.

Что же касается тех социальных расходов, которые все же необходимо производить из центрального бюджета (пенсии и пособия определенным категориям трудящихся, общесоюзные расходы на образование, науку и культуру, известное перераспределение их между регионами с различной демографической и экономической ситуацией и др.), то преодолеть (или по крайней мере осу-

лабать) их отчуждающее действие возможно лишь посредством гласного и демократического обсуждения.

С этой точки зрения современный метод представления и обсуждения бюджета — скорее карикатура на гласность.

Задолго до обсуждения в Верховном Совете государственный (в том числе социальный) проект бюджета должен быть опубликован в виде книги. В ней должно быть подробно указано, где и на какие цели правительство предлагает израсходовать каждый миллион народных денег. Где, когда и какие медицинские, учебные, культурные, экологические и другие объекты должны быть введены в строй и по каждому из них должно даваться краткое обоснование.

Не только каждый депутат, но каждый гражданин должен почувствовать свою личную причастность к составлению и реализации общегосударственных социальных программ.

Перестройка, практически соединяющая экономические и социальные стимулы, должна сопровождаться перестройкой всей финансовой системы, включая финансы предприятий, бюджеты органов власти на местах и в центре, социальные фонды, кредит.

Но этого недостаточно. Чтобы реализовать денежные стимулы (личные и общественные), должна **перестраиваться вся система хозрасчетных организаций**. Действие материальных стимулов, стремление к повышению прибыли и доходов не гарантируют автоматически, что экономика будет ориентироваться на потребности человека. Это подтверждает и наш опыт, и опыт капиталистических стран.

Многое здесь зависит от соотношения экономических сил между самими участниками рынка, от «центров хозяйственной власти». Если на рынке будут господствовать, например, мощные объединения тяжелого машиностроения, они будут изо всех сил навязывать обществу проекты капитального строительства, связанные с огромными капиталовложениями. При этом будет использоваться известный аргумент о необходимости заботиться о будущем экономики.

Конечно, такая задача важна, но она должна решаться на строго научной основе, с позиций демократически определяемых общенародных интересов, а не с позиций одностороннего «нажима» корыстных коммерчес-

ких интересов тех или иных организаций.

В общем, можно сказать, что пока центром тяготения рыночных сил будет оставаться само производство, рынок не сможет стать эффективным инструментом социальной переориентации экономики.

Достаточно вспомнить прошлую экономическую ситуацию на Западе, когда рынок ориентировался на производство, на накопление и капитальное строительство, а прибыльность предприятий основывалась на низких доходах широких масс трудящихся. Поэтому так важны принципы плановой ориентации и организации рынка.

В центре организационной структуры социально ориентированного рынка должны находиться не производственные предприятия, а те хозрасчетные организации, которые непосредственно удовлетворяют личные и социальные потребности человека, — предприятия торговли, бытовых и социальных услуг.

Вся сложная цепь производственных связей в народном хозяйстве должна находиться в тесной хозрасчетной зависимости от этого конечного звена, работать под его контролем. Для этого сами предприятия торговли и социальных услуг должны иметь мощную хозрасчетную организацию, обладать прочной материальной, кадровой и финансовой базой. Доходы их работников должны быть ни в коем случае не ниже доходов соответствующих профессий на производстве.

При этом не имеет существенного значения, кому непосредственно принадлежат предприятия торговли и услуг. Например, сами производители могут заниматься сбытом своей продукции. Или, наоборот, хозрасчетные торговые тресты могут создавать производственные предприятия.

Но в любом случае определять количество, качество, ассортимент, условия поставки продукции должны именно те хозрасчетные организации, доходы которых целиком зависят от удовлетворения платежеспособного спроса населения. Тогда будут полностью исключены такие уродливые ситуации, когда в индустриальной стране с благоприятными природными условиями с прилавков периодически исчезают важнейшие товары широкого спроса.

Ослабление планового контроля при введении хозяйственной самостоятельности предприятий может приве-

сти к тому, что производство в еще большей мере отвернется от нужд населения, чем было прежде. Так что рынок рынку рознь, нужен не всякий рынок, а ориентированный на потребности населения.

И даже если будут образованы сильные самостоятельные хозяйственные организации торговли и услуг, если по их заказам на началах рыночной конкуренции будут функционировать все производственные предприятия, полностью задача создания социально ориентированного рынка еще не будет решена, ибо покупатель не может быть оставлен один на один с хорошо организованными продавцами.

Опыт Запада подтверждает, что даже при сильной конкуренции торговые фирмы (во взаимодействии с промышленными и аграрными) взвинчивают цены, нередко стараются сбыть недоброкачественную и даже вредную продукцию. Поэтому сфера реализации конечной продукции нуждается в общественном регулировании.

На Западе контроль за торговлей осуществляется как законодательно, так и через объединения потребителей.

В условиях социализма именно сфера торговли и всего комплекса услуг, непосредственно имеющая дело с населением, призвана стать главным объектом государственного экономического регулирования. Более того, поскольку вся система рыночных связей должна быть организована так, чтобы она замыкалась на звеньях конечной реализации, то очевидно, что именно через эти ключевые звенья и следует в первую очередь планомерно руководить всем народным хозяйством.

Что касается планирования, то его целевые установки в условиях социально ориентированного рынка заключаются в том, как обеспечить удовлетворение потребностей населения, решение основных социальных задач, не прибегая к директивным методам, не навязывая предприятиям жестких количественных и качественных показателей.

План в этих условиях будет, очевидно, исходить из прогнозной модели всего народного хозяйства, первостепенная задача которой — выявить наиболее вероятную (с учетом комплекса мер экономической политики) динамику эффективности и среднедушевых доходов населения. А затем уже определение на этой основе перспективного объема и структуры платежеспособных потребностей населения по группам товаров и услуг.

Необходимо также установить центральный элемент прогноза: прогнозируемые потребности должны быть тщательно проанализированы с позиций наиболее неотложных социальных нужд и проблем (продовольственная, жилищная, экологическая и др.), а затем преобразованы в комплекс реалистичных (т. е. укладывающихся в рамки прогнозируемого национального дохода) социальных программ.

Далее, эти программы необходимо вновь представить как группы товаров и услуг и исходя из этого определить отраслевую и факторную структуру хозяйства, проверить обеспеченность производства исходными ресурсами (рабочей силой, природными ресурсами, капиталовложениями).

В итоге описанного первого этапа планирования будет определен комплекс социальных программ, увязанных с возможностями и перспективами всего народного хозяйства.

Второй этап планирования должен состоять в выработке разветвленной системы взаимосвязанных мер, охватывающих все народное хозяйство и направленных на реализацию указанных социальных программ. В этом суть социальной переориентации планирования, для чего необходимы и структурные изменения в плановых органах, и коренные сдвиги в методах их работы.

В частности, Госплан СССР при этом уже не сможет полагаться на планы ведомств или предприятий, ему не удастся более выступать в роли арбитра при закулисном дележе капиталовложений и всего национального дохода между ведомствами и регионами. Значит, не будет нужно деление Госплана на отраслевые и сводные отделы. Их место займут отделы прогнозов, социальных программ, планового регулирования экономики.

Необходимо будет опираться на научный и гласный анализ тенденций, демократическое обсуждение проблемы приоритетов и социально допустимых рамок «эксплуатации» демографических и природных факторов. Заметим также, что неизбежным станет коренное, а не косметическое преобразование всей системы советской статистики, с тем чтобы поставить ее на службу анализу социальных процессов, конечных результатов хозяйственной деятельности.

Социальная направленность должна определять и структурную перестройку органов хозяйственного управ-

ления. У главы исполнительной власти на всех уровнях необходимо иметь трех основных заместителей: первого — по социальным программам, второго — по капитальному строительству и инфрасистемам, третьего — по национальной (или региональной) безопасности.

Работа министров будет более эффективна, если одни из них (ведущие) будут возглавлять программы, а другие будут регулировать деятельность отраслей с целью содействовать выполнению этих программ.

Исполнительная власть не должна сама для себя определять задания. Включение Госплана в Совет Министров СССР — это пережиток фактического диктата ведомств. Госплан СССР (и плановые органы других уровней) должен подчиняться непосредственно законодательной власти.

Разделение и состязательность между плановыми и исполнительными хозяйственными органами при высшем авторитете законодательной власти — важное требование дальнейшей демократизации, повышения научного уровня и ответственности всей экономической работы.

В данной брошюре не ставится задача рассматривать все элементы необходимого нам нового механизма хозяйствования. Но уже сказанное выше позволяет ответить на вопрос о том, каким должен быть социалистический, т. е. социально ориентированный, плановый рынок.

В его основе должна быть множественность форм собственности на средства производства (государственная, кооперативная, акционерная, муниципальная, смешанная, индивидуальная и др.) при ведущей роли государства как арендодателя либо главного акционера.

Эффективность хозяйства обеспечивается за счет хозяйственной самостоятельности трудовых коллективов, конкурирующих друг с другом и на мировом рынке, и плановой координации производства. Социальная направленность всей хозяйственной деятельности должна обеспечиваться демократической процедурой разработки социальных программ каждым коллективом, регионом и обществом в целом.

Государство добивается планомерности и социальной направленности развития, имея перспективный план и воздействуя на рынок посредством избирательного финансового и кредитного стимулирования капиталовложений, государственных заказов (в рамках бюджетных ас-

сигнований), регулирования цен на товары и услуги массового спроса, налогообложения, законодательных актов, определяющих трудовые и иные отношения, и др.

Кроме того, государство оставляет за собой выполнение тех экономических функций, которые не в состоянии эффективно выполнять рынок, — подготовка квалифицированных кадров, развитие фундаментальной науки, разработка оборонных и перспективных проектов, охрана окружающей среды, исследование природных ресурсов и др.

Центральная задача всей системы государственного регулирования рынка — реализация общесоюзных социальных программ, а тем самым и создание благоприятных условий для выполнения разнообразных социальных программ, принятых трудовыми коллективами, местными и республиканскими Советами народных депутатов.

* * *

Из сказанного выше видно, что социальная персориентация экономики — чрезвычайно сложная задача, решение которой должно пройти ряд этапов. На каждом этапе нужно обеспечить специфическое единство социальных приоритетов, структурной стратегии и преобразований в хозяйственном механизме.

С этой точки зрения объективная особенность тринадцатой пятилетки заключается в том, что необходимо будет добиться социально-экономического равновесия и преодолеть наиболее острые дисбалансы (обеспечить страну продовольствием, ликвидировать трущобы, нищету, приостановить миграцию из села и т. д.).

Материальные средства должны быть получены прежде всего за счет крупного маневра ресурсами с целью обеспечения потребности сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности, жилищного строительства, здравоохранения.

Хозяйственный механизм должен быть нацелен на создание сбалансированного потребительского рынка, коренную перестройку отношений в сельском хозяйстве, взаимоувязанную реформу оптовых цен и всей финансовой и кредитной системы в целях исключения дефицитного финансирования спроса, обуздания инфляции. Нужны переход к оптовой торговле средствами производства, урегулирование хозяйственных отношений между республиками.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Старые деформации и новые приоритеты	6
Трудный поворот	13
К социально ориентированному хозяйственному механизму	35

Научно-популярная серия

Юлий Яковлевич ОЛЬСЕВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИКИ

Главный отраслевой редактор *В. А. Бабайцев*

Редактор *Г. С. Герасимова*

Мл. редактор *Е. М. Авешникова*

Худож. редактор *М. А. Бабичева*

Техн. редактор *А. М. Красавина*

Корректор *В. В. Каночкина*

ИБ № 10692

Сдано в набор 14.11.89. Подписано к печати 08.01.90. А 01907. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 3,68. Уч.-изд. л. 3,48. Тираж 76 003 экз. Заказ 2034. Цена 15 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 903002.

Типография Всесоюзного общества «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

15 коп.

Индекс 70066